АДЕМИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК при ЦК КПСС

Кафедра иностранных языков

298235

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ УСВОЕНИЯ ГРАММАТИКИ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

СБОРНИК ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Т. А. ДЕГТЕРЕВОЙ

МОСКВА · 1955

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый сборник включает статьи, посвященные некоторым вопросам грамматического строя, которые, как показывает практика преподавания иностранных языков, являются наиболее трудными и в отношении методики подачи языкового материала, и в отношении его усвоения.

Каждая статья сборника стремится показать обусловленность анализируемого грамматического явления самобытными особенностями системы изучаемого иностранного языка с тем, чтобы предостеречь от ложных представлений об идентичности грамматического строя изучаемого и родного языков. Подобные представления наносят существенный ущерб правильному усвоению материала и замедляют темпы овладения иностранным языком.

Кафедра надеется, что предлагаемый сборник окажется полезным как для преподавателей, так и для изучающих иностранный язык.

Кафедра иностранных языков

Доцент Т. А. Дегтерева

ВЫЯВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ИЗУЧАЕМОГО ЯЗЫКА

Грамматический строй каждого языка является результатом большой абстрагирующей работы человеческого мышления и вырабатывается народом в течение ряда эпох существования народа — творца и носителя языка. Группируя слова по определенным смысловым разрядам и придавая им различные формы, способствующие соединению слов в единые смысловые комплексы, грамматика осуществляет материальное становление мысли. Слова, не организованные по правилам грамматики, не могут выступать в функции общения людей между собой, так как без грамматики они не способны формировать цельные стройные мысли, не способны отразить в обобщенном виде реальную действительность во всем многообразии ее отношений и связей, уже осознанных и используемых человеком.

Группируя слова по определенным разрядам, грамматика оформляет их с помощью тех или иных языковых средств. Общий смысловой момент, объединяющий значительную группу слов внутри словарного состава языка, и обобщающее языковое средство или даже целая система средств для специального выявления этого общего смыслового момента в предложении образуют грамматическую категорию. Другими словами: под грамматической категорией следует понимать такую языковую абстракцию, которая с помощью специального внешнеощутимого языкового средства или комплекса средств выражает в обобщенном виде какой-либо момент из комплекса связей между предметами и явлениями реальной действительности и объединяет многочисленный ряд слов, способных отразить этот момент наряду с присущими им лексическими значениями. Характерным для грамматической категории является именно то, что она при помощи формального выразителя охватывает значительную часть словарного состава языка. Так, например, грамматическая категория времени в русском языке охватывает с помощью специальных формантов для выражения временных отношений большой разряд слов, которые называют

различные действия и состояния и имеют оформление глаголов. Таким образом, грамматическая категория всегда соотносится с какой-либо частью речи или с группой частей речи. Например, грамматическая категория определенности и неопределенности предмета или явления в английском языке охватывает с помощью частиц the и a, an большую часть словарного состава, а именно слова, которые называют предметы и явления действительности, то-есть существительные. Следует отметить, что система частей речи одного языка может в значительной степени не совпадать с системой частей речи другого языка в силу расхождений в грамматических категориях и в особенностях их внешнего построения.

Так, в китайском языке нет грамматической категории времени, но в нем есть особая категория *предикатива.* Эта грамматическая категория предикатива объединяет глаголы и прилагательные в общий разряд и противопоставляет им имя существительное, тогда как в русском языке существительные, числительные и прилагательные образуют общий разряд *имени* и противопоставляются глаголу.

Основанием для отнесения китайского прилагательного именно к разряду глаголов, а не к разряду имени является общий для глаголов и прилагательного тип соединяемости со словами других разрядов при определенной синтаксической функции: как глагол, так и прилагательное в китайском языке имеют своей основной функцией выражение сказуемости (предикативности), и в этой функции они оба не нуждаются в связке *шы* и соединяются непосредственно с отрицанием *бу* (не). Существительные же, выступая в роли сказуемого, должны сопровождаться связкой и не могут быть непосредственно соединимы с отрицанием *бу* [1]. Например:

та лайла	*юэ бай*
(он приехал)	(луна светла)
та бу нянь шу	*чжэгэ фу бу хо*
(он не учится)	(эта книга нехорошая)
та шы сюэшэн	*та бу шы сюэшэн*
(он (есть) студент)	(он не (есть) студент).

При изучении иностранного языка очень важно иметь представление о сущности и роли грамматических категорий и их соотнесенности с частями речи для того, чтобы уметь выявить особенности и своеобразия грамматического строя изучаемого языка, без знания которых немыслимо свободное владение этим языком. Это тем более необходимо потому, что своеобразие и особенности грамматического строя заключаются не только и не столько в особом строении грамматических формантов, а в значительной мере в том, что каждый язык располагает своей самобытной системой грамматических категорий, различных в разных языках как по

---

[1] См. А. А. Драгунов. Исследования по грамматике современного китайского языка. Изд. Академии наук СССР, 1952, т. I. Части речи, стр. 10 и др.

своему количеству, так и по объему функций, которыми обладает та или иная грамматическая форма.

Мы хотели бы предостеречь учащихся и преподавателей от попыток отождествления грамматики изучаемого языка с грамматикой родного языка, ибо это отождествление является не только порочным в научно-теоретическом отношении, но замедляет, а иногда делает и невозможным практическое овладение изучаемым языком.

Внешние выразители любой грамматической категории определяются системой языка в целом. Если язык в целом характеризуется преобладанием в нем синтетических форм, как, например, русский язык, то наиболее типичными внешними выразителями грамматических категорий являются такие морфологические форманты, как окончания, суффиксы, префиксы. Если в языке преобладают аналитические формы, то внешними выразителями грамматических категорий выступают специальные частицы типа «бы», «ли» в русском языке, предлоги, послелоги и слова, потерявшие свое самостоятельное лексическое значение, как, например, вспомогательные глаголы в немецком, английском, французском и многих других языках. К внешним выразителям грамматических категорий могут во многих случаях относиться также и порядок слов, ударение, интонация. При этом следует обратить внимание на то, что, как в языках синтетических, так и в языках аналитических, внешние выразители большинства грамматических категорий представляют собою систему морфологических и синтаксических средств.

Покажем это на примере русского и немецкого языков, так как *при сопоставлении языков ярче вскрываются и полнее выявляются все особенности грамматической категории, если она существует в обоих сопоставляемых языках.*

При изучении иностранного языка значительные трудности представляет четкая выработка совершенно необходимых для овладения языком представлений о переходности и непереходности действия, выраженного глаголом в предложении. Во многих языках имеется специальная грамматическая категория переходности и непереходности глагола. В русском языке она выражается в известной мере внешними морфологическими средствами, но в большей степени синтаксическими показателями.

Категория непереходности действия, замкнутости его в самом себе выражается в русском языке разными средствами морфологического характера, которые являются грамматически равнозначными, но не свободными, так как каждое из них имеет свою строго определенную группу глаголов. К таким средствам в первую очередь относится частица *-ся,* например: *остаться, смеяться, улыбаться, раскраснеться, жмуриться, заблуждаться, веселиться, радоваться, печалиться, стариться, бороться, трудиться, каяться, резвиться.* Затем русский язык располагает суффиксальными показателями непереходности глагола, совпадающими с его классными показателями. Следует оговорить, что эти показатели непереход-

ности обнаруживают известные моменты непоследовательности, объясняемые общим процессом распада грамматического оформления непереходности глагола. Например, глаголы на *-е -ть: бледнеть, гореть, краснеть, звенеть, чернеть, зеленеть, тлеть, белеть, тускнеть, хрипеть, храпеть, млеть, сидеть* и другие; глаголы на *-ну -ть*, например: *сохнуть, глохнуть, пухнуть, рухнуть, вянуть, мокнуть, прихворнуть* и другие; глаголы на *-ничать*, например: *бездельничать, сапожничать, гримасничать, капризничать* и другие.

Синтаксически непереходность выражена отсутствием дополнения в винительном падаже, что проявляется сопоставлением с переходными глаголами. Категория переходности последовательно выражается средствами синтаксического характера. Выразителем переходности глаголов является сочетаемость их с винительным падежом имени существительного, обозначающего объект действия.

Морфологическая оформленность непереходных глаголов была в древнерусском языке сильнее и последовательнее. Частицу *-ся* имели многие глаголы из тех, которые сейчас ее уже не имеют. Об этом свидетельствует наличие в памятниках древнерусской письменности таких форм, как *шелся, жился, спался* и другие. Сейчас от этих глаголов сохранились лишь формы с частицей *-ся* при наличии приставки, например: *приходиться, увлечься, усесться, зажиться, ужиться, улечься, проспаться, выспаться, проехаться* и другие. В этой связи интересны примеры современного употребления непереходных глаголов с дательным падежом подлежащего, как-то: *ему жилось хорошо; ей не спалось; девочке не сиделось на месте;* и так далее.

Что представляет собою частица *-ся* при выражении непереходности глагола? Возможно, что эта частица была, как показывают вышеприведенные примеры, формой дательного падежа при возвратном местоимении и выражала замкнутость действия в самом субъекте и для самого субъекта. Этот момент подтверждают и такие формы употребления в русском так называемом просторечии, как, например: *сидела бы ты себе дома; жил он себе припеваючи; стоял бы он себе на месте.*

В этой связи необходимо заметить, что частица *-ся,* как формант непереходного глагола, не имеет общего происхождения с частицей *-ся,* оформляющей возвратные глаголы. Здесь мы имеем дело с грамматическими омонимами, то есть с частицами, разными по своему происхождению, но совпавшими в процессе своего развития по своему звуковому составу. Формант возвратности глагола восходит к форме винительного падежа возвратного местоимения, тогда как частица *-ся,* как мы указывали выше, в непереходном глаголе является, возможно, отзвуком дательного падежа. Возникновение этой грамматической омонимии явилось, видимо, одной из причин наблюдающейся тенденции к утрате непереходными глаголами частицы *-ся,* как морфологического форманта.

В немецком языке, который, как и русский язык, является членом индоевропейской семьи языков, наблюдаются примерно аналогичные соотношения в грамматической категории непереход-

ности и переходности глагола. Также и в немецком языке частица sich выступает внешним выразителем непереходности глагола, например: sich freuen (радоваться), sich irren (заблуждаться), sich interessieren (интересоваться), sich ereignen (происходить). Однако в немецком языке это оформление непереходности находится в состоянии еще более сильного и интенсивного распада, чем в русском языке. В настоящее время в немецком языке наблюдается нулевая оформленность непереходных глаголов, которая постигается при сопоставлении с формантами переходности глагола. Этими формантами являются приставки. Сравним внешнее проявление переходности и непереходности глаголов при их равном лексическом значении в следующих предложениях:

1) Ich antworte auf die Frage (я отвечаю на вопрос). Глагол antworten является непереходным.

Ich beantworte die Frage (я отвечаю на вопрос). Глагол beantworten — глагол переходный, так как оформлен приставкой be- и требует в силу этого дополнения в винительном падеже. Дополнение может стать подлежащим в пассивной конструкции: Die Frage wird beantwortet (von mir).

2) Er tritt ins Zimmer (он входит в комнату) — глагол непереходный и прямого дополнения не имеет.

Er betritt das Zimmer — глагол переходный, при котором обстоятельство места предыдущего предложения ins Zimmer превращается в прямое дополнение со всеми вытекающими отсюда грамматическими последствиями, то есть стоит в винительном падеже, а также может стать грамматическим подлежащим в пассивной конструкции, например: Das Zimmer wird von ihm betreten (здесь мы должны перевести на русский язык все той же формой действительного залога «он входит в комнату», потому что глагол *входить* в русском языке не может приобрести грамматического значения переходности).

Следует однако иметь в виду, что в немецком языке морфологическое оформление категории непереходности и переходности постепенно утрачивается. Объясняется это целым комплексом причин, из которых первостепенное значение имеет, как нам представляется, достаточно четкое синтаксическое оформление переходности глагола, а именно наличие прямого дополнения в винительном падеже. Наукой установлено, что в индоевропейском так называемом языке-основе не было еще четкости в синтаксическом оформлении переходности — имя объекта действия, или прямое дополнение, могло выступать в форме разных падежей. Остатки древней синтаксической неоформленности переходности глагола можно проследить еще довольно наглядно по материалам как древнерусского, так и древненемецкого языков. В русском языке еще и сейчас прямое дополнение оформляется родительным падежом в предложениях, в которых наличествует отрицание глагольного действия, например: *Я вижу книгу — Я не вижу книги.*

Пока не закрепился один падеж в качестве внешнего выразителя прямого дополнения, до тех пор ощущалась острая нужда в

морфологической оформленности непереходности глагола. С закреплением винительного падежа за прямым дополнением глагола переходность глагола получила четкое синтаксическое выражение внутри предложения. Произошла, так сказать, функциональная разгрузка форманта непереходности глагола, что снизило коммуникативную значимость указанного форманта и привело к постепенному его распаду. Этому способствовали и другие моменты: с одной стороны, многозначность форманта непереходности sich (частица sich имеет в немецком языке также и возвратное значение — sich setzen — а иногда, правда редко, страдательное значение —Das Buch liest sich gut—книга читается хорошо), с другой стороны многоликость форманта переходности — разнообразие приставок, придающих глаголу значение переходности (be-, an- и других), и неполная утрата ими своего лексического содержания.

Уже на примере грамматической категории переходности и непереходности глагола в указанных двух родственных языках мы могли наблюдать изменяемость внешних выразителей грамматической категории. Эта изменяемость ведет часто к возникновению синонимичных грамматических средств, то есть к появлению параллельных систем внешних выразителей одной и той же грамматической категории в одном и том же языке.

Примером соревнования равнозначных систем внешних выразителей одной и той же грамматической категории может служить хотя бы страдательный залог в некоторых современных индоевропейских языках.

Страдательный залог существует в русском языке как грамматическая категория, внешние выразители которой представляют систему морфологических и синтаксических средств. На сложный характер грамматического оформления страдательного залога в русском языке обратил внимание академик В. В. Виноградов, который указывает, что категория страдательного залога лежит «ближе к синтаксису предложения, чем к морфологии слова» [1].

К средствам внешнего грамматического выражения страдательного залога в русском языке относятся, с одной стороны, частица *-ся,* с другой стороны, аналитическое, описательное образование, состоящее из вспомогательного глагола *быть* и причастия соответствующего спрягаемого глагола. Само причастие формируется для этой цели с помощью специальных суффиксов, придающих ему страдательное значение:

читаться, подбираться, закрепляться и
быть прочитанным, быть подобранным, быть закрепленным.

К внешним оформителям страдательного залога относятся также творительный падеж имени действующего лица, или так называемого виновника действия, и именительный падеж реального объекта действия, который в страдательном залоге выступает в роли грамматического подлежащего. В древнерусском языке вместо

---

[1] В. В. Виноградов. Русский язык. Учпедгиз, 1947, стр. 606.

творительного падежа иногда встречается предложный. Такую конструкцию и сейчас можно встретить в русском просторечии, например: *письмо написано от него.* В болгарском языке эта конструкция стала обязательным внешним выразителем виновника действия в страдательном залоге. Но если в болгарском языке конструкция с предлогом *от* полностью вытеснила синонимичный ей творительный падеж, что было неизбежно в связи с бурным процессом распада флективного строя болгарского склонения в целом, то в русском языке эта же самая конструкция не смогла получить устойчивости в качестве грамматического внешнего выразителя виновника действия. Победу одержал творительный падеж, сила которого базировалась на сохранении флективности, как основной черты строя русского языка. Система языка в целом в значительной мере предопределяет судьбу каждого грамматического средства выражения.

Соотношение параллельных форм образования страдательного залога, а именно форм с частицей *-ся* и аналитических форм, представляет собою довольно сложное явление в русском языке в силу тенденции к разграничению сфер их употребления. Так, предложение *Дом строился три года* не полностью равнозначно предложению *Дом построен за три года.* Во втором предложении подчеркнута результативность действия, которая не чувствуется в первом предложении. С предложением *Ему было сказано следующее* только с натяжкой можно сопоставить предложение *Ему говорилось следующее,* так как видовое различие глаголов *сказать* и *говорить* предопределяет выбор системы внешних выразителей грамматической категории страдательного залога. В русском языке наблюдается довольно тесное переплетение категории вида и категории залога. Видовая дифференциация в известной мере сохраняет еще форму с частицей *-ся,* которая в силу своей грамматической многозначности уступает место своим грамматическим синонимам.

Отсутствие грамматической категории вида в немецком языке значительно упростило соотношение описательных форм страдательного залога и форм с местоимением sich. Последние уступили свое место почти полностью конструкции с werden + Partizip II спрягаемого переходного глагола, например: Das Haus wurde gebaut. Это предложение может быть переведено на русский язык как *Дом строился,* так и *Дом был построен,* в зависимости от контекста, а не по значению самой формы, ибо в немецком языке видовых различий в залоговых формах не наблюдается.

Многие лингвисты при рассмотрении страдательного залога в индоевропейских языках считают сущностью страдательного залога, как грамматической категории, его обратимость в действительный залог. Страдательный залог, с их точки зрения, существует именно в противопоставлении действительному залогу и в единстве с ним. Так, например, академик В. Ф. Шишмарев в своей недавно опубликованной очень талантливой книге «Историческая морфология французского языка» пишет:

«В глаголах 1-й и отчасти 2-й группы субъект и объект обладают обратимостью, т. е. предложение, которое построено на них, может быть перестроено грамматически так, что объект станет субъектом, и наоборот... *А любит Б>Б любим А; filia amat matrem, mater amatur a filia.* Такой оборот и такая глагольная форма называется пассивной... Превращение оборота активного в пассивный не является, однако, простой механической заменой одного оборота другим, тождественным, так как в пассивном предложении ударение лежит на *состоянии* пациента, а не на его *причине* или *агенте.*

Причина или агент могут и вовсе не называться; тогда получается так наз. 'безличный' оборот, в котором вербальная идея дается в чистом виде» [1].

Эта точка зрения имеет серьезные научные обоснования. Действительно, при страдательном и действительном залогах грамматическое выражение одних и тех же отношений между производителем действия и объектом его действия осуществляется в параллельно противоположном направлении:

Я просматриваю книгу.

Книга просматривается мною.

И именно противоположной параллельностью построения достигается смысловой эффект, т. е. подчеркивается самое действие и предмет, на который направлено это действие. Пассивная конструкция производит не изменение в фактическом содержании мысли, а лишь переоценку роли ее отдельных частей. Но так как эта переоценка осуществляется чисто грамматическими средствами, то мы здесь имеем дело уже с специальной грамматической категорией.

Противники теории обратимости страдательного залога основывают свои возражения на отдельных случаях употребления формы страдательного залога (как правило, на материале немецкого языка), которые не имеют противостоящей им параллельной формы действительного залога. Но там, где нет параллельного существования форм действительного залога, не может быть и речи о страдательном залоге. Там мы имеем дело с какой-то другой — старой или новой — функцией грамматической *формы,* которая лишь ассоциируется со страдательным залогом.

В этой связи необходимо более подробно остановиться на проблеме многозначности грамматической формы и однофункциональности грамматической категории. К серьезным трудностям выявления грамматических категорий изучаемого языка относится то обстоятельство, что одна и та же грамматическая форма часто служит абстрагированным выражением разнородных моментов связи между предметами и явлениями реальной действительности.

---

[1] В. Ф. Шишмарев. Историческая морфология французского языка. Изд. Академии наук СССР, 1952, стр. 100.

Это обстоятельство заставило некоторых лингвистов говорить о разных функциях грамматической категории. Так, например, немецкий лингвист Эрвин Кошмидер в своей работе «К определению функций грамматических категорий»[1] подвергает детальному анализу различные грамматические формы немецкого, турецкого и славянских языков, устанавливает их значения и пытается рассматривать эти значения как сумму основной и второстепенных функций грамматической категории.

И хотя работа Кошмидера отличается тонкостью и остроумием лингвистического анализа и интересными наблюдениями, все же с автором нельзя согласиться в том принципиальном отношении, что грамматическая категория включает в себя несколько функций. В работе Кошмидера, несмотря на все ее достоинства, мы наблюдаем механическое отождествление грамматической формы с грамматической категорией.

Грамматическая категория представляет собою единство грамматической формы и логического содержания. Соотношение языковой и логической стороны в грамматической категории аналогично соотношению слова и понятия. Слово является материальной оболочкой понятия. Но слово многозначно. Из разных значений или оттенков значения слова только одно соотносится с данным понятием, тогда как другие значения находятся в соотношении с другими понятиями. Так, например, слово *язык* имеет несколько значений: 1) речь, 2) орган или часть человеческого тела, 3) военнопленный, 4) склонность к злословию, и другие. Следует обратить внимание, что лексическое значение не тождественно понятию, а только с ним соотносится, ибо значение слова является моментом языковым, а понятие — логическим. Значению слова, как языковому моменту, присущи стилистическая окраска, степень эмоциональной насыщенности, лексикологическая характеристика, тогда как понятие этих моментов не обнаруживает. Значение «военнопленный» в слове *язык* является архаизмом, самое же понятие им не является. Еще нагляднее пример со значениями слов *речь* и *речуга*. Среди многих своих значений слово *речь* имеет значение, которое соотносится с тем же понятием, что и единственное значение слова *речуга*. Но если то и другое слово воплощают одно и то же понятие, то совпадающие значения этих слов хотя предметно и равны, но в языковом отношении различны. Они различны с эмоциональной стороны и с точки зрения их стилистической окраски.

Аналогичную картину мы наблюдаем и в грамматической категории. Грамматическая категория всегда имеет только одно значение, соотносимое с логическим моментом. Но грамматическая форма, которая воплощает этот логический момент и образует в единстве с ним грамматическую категорию, может включать в себя

[1] См. E. Koschmieder. Zur Bestimmung der Funktionen der grammatischen Kategorien. München, 1945 (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften).

еще и другие грамматические значения, которые не имеют прямого, а иногда и никакого отношения к данной грамматической категории. Эти другие значения одной и той же грамматической формы могут охватывать широкие пласты лексики и образовывать самостоятельные грамматические категории. Если же охват лексики грамматической формой в других значениях не очень велик или носит спорадический характер, то мы можем говорить о функциях данной грамматической формы (но не категории), учитывая, что эти функции существуют параллельно или ретроспективно к грамматическим категориям с другим внешним оформлением.

Таким образом, дополнительные функции грамматической формы следует понимать или как возможность ее употребления вместо какой-либо существующей грамматической категории, или как пережиток уже отмершей в языке категории, или как начало зарождения новой грамматической категории в процессе переосмысления старой.

Для иллюстрации вышесказанного вернемся к анализу грамматической формы страдательного залога в немецком языке. Из всей системы форм страдательного залога немецкого языка выделяется описательная форма 3-го лица единственного числа. Эта форма грамматически многозначна. Она выступает, во-первых, в качестве грамматического выражения страдательного залога, образуя его грамматическую категорию, а, во-вторых, в особой функции подчеркивания действия при умолчании носителя этого действия и безотносительно к наличию и даже возможности наличия объекта действия. Поэтому предложение с такой глагольной формой не имеет никакого грамматического подлежащего. Местоимение es, которое выступает при прямом порядке слов, является здесь в сущности формальным элементом, служащим для прикрытия начального положения глагола, так как по правилам немецкого синтаксиса глагол в спрягаемой части не может начинать предложения. Поэтому служебное слово es исчезает при обратном порядке слов. Например: Es wurde viel gelacht (много было смеха), но Bei dieser Geschichte wurde viel gelacht (при этой истории много было смеха).

Данная грамматическая форма в указанной функции не может рассматриваться ни грамматической категорией страдательного залога, ни функцией этой категории. Ни о какой обратимости здесь не может быть и речи, тем более, что употребление глагола в этой форме при указанной функции не обусловлено его переходностью. Наоборот, в преобладающем большинстве мы здесь имеем дело именно с непереходными глаголами, так как характер этой своеобразной функции близок к древней, уже вымершей грамматической категории среднего залога. Во всех древних индоевропейских языках средний залог по своему оформлению совпадал со страдательным залогом. Поэтому естественно, что относительно молодая аналитическая форма страдательного залога легко могла получить дополнительную функцию как некий своеобразный отблеск медиального (среднего) значения.

Однако эта новая функция анализируемой грамматической формы вовсе не является прямым продолжением старого среднего залога. Здесь мы имеем дело с формированием нового грамматического качества, которое, вероятно, разовьется в новую грамматическую категорию, самобытную для немецкого языка. Возможно, что и сейчас уже можно говорить о грамматической категории абсолютизации действия глагола, так как постепенно происходит и некоторое обособление данной грамматической формы — ограничение ее 3-м лицом единственного числа, отсутствие подлежащего и распространение ее на непереходные глаголы. Сравните, например, у Ганса Фаллады в предисловии к роману «Каждый умирает в одиночку»: Im dritten Reich wurde viel gestorben («В третьей империи царила смерть»). Перевод этого предложения на русский язык можно дать только вольный в лексико-фразеологическом отношении, потому что в русском языке развития подобной грамматической категории не наблюдается.

Этот пример наиболее ярко проявляет тенденцию немецкого языка использовать форму страдательного залога для подчеркивания наиболее характерного в тот или иной момент действия. Употреблением данной формы Ганс Фаллада с максимальной экономией языковых средств создает мрачную картину царства смерти, именуемого Третьей империей.

Анализ вышеприведенной грамматической формы немецкого языка особенно ярко показывает процессы самобытного развития грамматического строя.

Для овладения языком, для свободного и точного понимания мыслей, излагаемых на этом языке, необходимо вникнуть в характер изучаемого грамматического строя, в системную взаимосвязь его грамматических категорий. Необходимо учитывать многофункциональность грамматической формы и уметь выделить ее основную функцию, определяющую ее как грамматическую категорию.

Доцент П. И. Поллер

УПОТРЕБЛЕНИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Категория падежа является одной из важнейших, пожалуй самой важной категорией имени существительного в языках индоевропейской группы, в том числе в русском и в немецком языках. В самом деле, все возможные функции имени существительного в словосочетании и в предложении, все возможные связи его с другими словами в предложении обязательно требуют той или иной падежной формы имени существительного. Если это подлежащее или предикатив (именная присвязочная часть сказуемого), то это всегда будет именительный падеж, например: Die Sonne stand hoch und glänzend im Himmel (солнце стояло высоко в небе). Es ist heute der erste Mai (сегодня первое мая).

Если это дополнение, всегда связанное с глаголом и зависящее от него, то это будет любой косвенный падеж, например: Die rauschenden Tannen verstanden mich (Heine) (шумящие ели понимали меня).

Если одно существительное связано с другим атрибутивно (определительными отношениями), то это будет родительный падеж зависимого существительного, например: Wie ein Meer des Lebens ergießt sich der Frühling über die Erde (Heine) (как море жизни, изливается весна над землей) или же падеж, соответствующий падежу определяемого существительного (приложение), например: Uberal sehe ich die grüne Farbe, die Farbe der Hoffnung (Heine) (повсюду я вижу зеленый цвет — цвет надежды).

Падеж — явление историческое. Система падежей каждого национального языка неразрывно связана с историей данного языка, с внутренними законами его развития. И хотя в индоевропейском языке-основе предполагаются 8 падежей: именительный, родительный, отложительный, дательный, местный, винительный, творительный (инструментальный) и звательный, однако в конкретных, особенно современных индоевропейских языках наличное количество падежей различно. Например, мы имеем в

современном русском языке 6 падежей, а в современном немецком языке очень скромную падежную систему, состоящую всего лишь из 4 падежей: Nominativ (именительный падеж), Genitiv (родительный падеж), Dativ (дательный падеж) и Akkusativ (винительный падеж). Значит ли это, что язык, обладающий более бедной системой падежей, чем другие, не в состоянии выразить все богатство понятий и связей, являющихся отражением богатства мира явлений объективной реальности и их связей между собой? Нет, не значит. Грамматический строй языка всегда находит средства компенсации слабого развития одних грамматических средств за счет развития других грамматических, а порой и лексико-грамматических и лексических средств. Так, в современном немецком языке относительная бедность падежной системы компенсируется все увеличивающимся богатством развития системы предлогов; об этом будет сказано ниже. Так, например, отношения русского творительного падежа *я пишу пером* найдут в немецком языке, не имеющем творительного падежа, выражение в предложной конструкции: Ich schreibe mit der Feder, или *я получаю газету почтой* —Ich bekomme die Zeitung durch die Post.

Немецкая падежная система отличается от русской падежной системы не только меньшим количеством падежей, но и бóльшим однообразием падежных окончаний. Так, богатству русских падежных окончаний, которых насчитывается очень большое количество, можно противопоставить в немецком языке лишь окончания: *-e*, *-(e)s* и *-(e)n*. Причем фактически обязательными являются лишь два окончания: *-(e)s* в родительном падеже единственного числа у имен существительных мужского и среднего рода, и *-(e)n* во всех падежах единственного числа, за исключением именительного падежа, у очень небольшой группы имен существительных так называемого «слабого склонения», объединенных по семантическому признаку обозначения живых существ мужского рода и по формальному признаку словообразовательного суффикса *e*, отпавшего у некоторых представителей данной группы. К этой группе, например, принадлежат такие существительные, как: Genosse (товарищ), Geselle (подмастерье), Gefährte (спутник), Schütze (стрелок), Bote (посланец), а также Mensch (человек), Bär (медведь), Hirt (пастух), Held (герой), Spatz (воробей), Fink (зяблик) и другие, утерявшие суффикс *e*. Падежное окончание *-n* обязательно также для всех существительных в дательном падеже множественного числа, независимо от их рода, способа образования множественного числа и способа склонения.

Таким образом, немецкое имя существительное, взятое без артикля, своей собственной морфологической формой может выявить лишь отношения родительного падежа единственного числа: Fischers (рыбака), Tisches (стола), Banners (знамени), Fußes (ноги), Saals (залы), и дательного падежа множественного числа: Fischern (рыбакам), Tischen (столам), Bannern (знаменам) (за исключением вышеупомянутого слабого склонения).

Правда, это обстоятельство совершенно не является доказательством того, что в немецком языке падежные отношения не находят своего морфологического выражения. Место отсутствующих падежных окончаний занял артикль. Обладая богатой системой падежных и родовых форм, немецкий артикль изменением своей формы выражает падежную форму имени существительного, включая в себя также выражение его грамматического рода и числа. В связи с этим можно сопоставить роль падежной формы и артикля в современном немецком языке с их ролью в другом языке индоевропейской группы—английском. Английский артикль, в противоположность немецкому, не получил развитой системы форм. Такое отсутствие падежных форм у артикля, при отсутствии падежных форм у самого существительного, привело к тому, что падежные отношения современного английского языка находят свое выражение почти исключительно в богато развитой системе предлогов.

Чем же объяснить такую бедность окончаний падежной системы немецкого языка по сравнению с некоторыми другими языками той же индоевропейской группы, например, с русским языком? Это отсутствие многих падежных окончаний и слияние их в небольшую группу *-e — n — s* объясняется внутренними законами, действующими на протяжении истории немецкого языка, так называемым «законом редукции конечных гласных», являющимся следствием очень сильного экспираторного ударения первого слога слова, второстепенного ударения последующих слогов, если они вообще имеются, и полной неударенности последних слогов. Благодаря этому закону «полные» гласные, стоявшие в падежных окончаниях еще в древненемецком языке и засвидетельствованные в письменных памятниках этого периода, к средневерхненемецкому периоду (XII—XIII вв.) редуцируются, т. е. ослабляются в отношении как интенсивности произношения, так и места и способа их образования. Таким образом, из системы древненемецких падежных окончаний единственного и множественного числа *a—o—um—i—eo—im—on — ôno—ôm—un, e—es—â* остаются в современном немецком языке лишь вышеуказанные *-e — (e)s — en — er,* причем все гласные совпадают в этом ослабленном звуке *e*—так называемом Murmel-*e* (редуцированное e), фонетически изображаемым знаком *ə*.

Такое отпадение окончаний и слияние их в небольшую группу привело к любопытному грамматическому явлению. Если в древненемецком языке падежное окончание имени существительного выражало одновременно его падеж и число, как это имеет место во многих случаях в современном русском языке, то редукция окончаний привела к тому, что оставшиеся падежные окончания уже не в состоянии передать все эти грамматические категории. И действительно, если древневерхненемецкое «ôno» показывало, что это родительный падеж множественного числа, то современные *er* или *e* в словах Bilder, Häuser, Hefte, Schuhe, Nächte (картины, дома, тетради, ботинки, ночи) являются выразителями

лишь категории множественного числа, так как ни один из падежей множественного числа окончаний не имеет, за исключением дательного, принимающего, как было сказано, окончание *-n*, независимо от других грамматических свойств имени существительного, и таким образом фактически не выражающего ничего кроме того, что это дательный падеж множественного числа.

Таким образом, образование множественного числа имени существительного дифференцировалось, отделилось от системы его склонения и образовало самостоятельную систему суффиксов, свойственных именно этой грамматической категории — категории числа имени существительного. Система же склонения имени существительного в современном немецком языке строится лишь на основании падежных окончаний, наличествующих или отсутствующих в падежах единственного числа. На основании формообразования имен существительных в единственном числе выявляются три типа склонения имен существительных: сильный *-(e)s* в родительном падеже единственного числа, слабый — *-(e)n* в родительном падеже единственного числа и во всех падежах, кроме именительного, и женский — отсутствие падежных окончаний в единственном числе. Учет же суффиксов образования множественного числа при установлении типов склонения имен существительных приводит к совершенно неправильным методическим выводам о наличии «смешанного склонения», которого нет в немецком языке.

* * *

Как уже было сказано, падеж имени существительного является той грамматической формой, в которой осуществляется «жизнь» существительного в языке, его использование в той или иной синтаксической позиции, его связь с другими словами внутри словосочетания и внутри предложения и в связи со всем этим — его возможные смысловые оттенки, связанные с изменением грамматической формы слова (но не с образованием нового слова).

В настоящей статье мы рассмотрим как возможные синтаксические функции падежных форм имени существительного в современном немецком языке, так и связанные с ними значения этих падежных форм и их способность выступать частями словосочетания.

Именительный падеж является «начальной формой» имени существительного, той формой, в которой выражается понятие, положенное в основание каждого слова, той формой, в которой имя существительное, как название предмета или явления, входит в основной словарный фонд и в словарный состав языка. В этой форме слово регистрируется в словарях немецкого языка.

В именительном падеже имеется, как ни в одном другом, полное совпадение формы, функции и значения слова. В языках индоевропейской группы подлежащее предложения, т. е. один из его смысловых центров (наряду со сказуемым), один из основных

(наряду со сказуемым) организаторов предложения, обязательно (за очень редкими исключениями) стоит в именительном падеже, таким образом здесь назывной, номинативный характер именительного падежа целиком совпадает с его использованием в предложении как подлежащего. Все остальные виды использования именительного падежа в предложении, т. е. все остальные синтаксические функции именительного падежа, вытекают из этой его назывной функции, воплощенной в подлежащем. В самом деле, именительный падеж предикатива (присвязочного члена), например, Sie ist Lehrerin (она учительница), обусловлен формой подлежащего, с которым присвязочный член, выраженный также именем существительным и семантически воплощающий в себе или отношение тождества между подлежащим и именной частью сказуемого типа dieser Mann ist mein Freund (этот человек — мой друг), или отношение частного к общему: Der Löwe ist ein Raubtier (лев — хищное животное), согласуется в падеже, согласно грамматическим законам языков индоевропейской группы. Таким образом, именительный падеж предикатива является непосредственным следствием формы именительного падежа подлежащего. Сходные взаимоотношения мы встречаем и в других возможных случаях употребления формы именительного падежа в немецком словосочетании или предложении. Так, именительный падеж возможен еще в аппозиции к подлежащему, например: Lenin, das Genie der russischen Revolution, wurde im Jahre 1870 geboren (Ленин, гений русской революции, родился в 1870 году); Puschkin, der größte russische Dichter, ist weltberühmt (Пушкин, величайший русский поэт, известен во всем мире).

Форма аппозиции зависит от формы того существительного, признак которого она передает. Иногда именительный падеж может выступать в виде несогласованной аппозиции (приложения) к различным членам предложения, кроме подлежащего, особенно, если приложение относится к имени автора книги, статьи и проч., например: Grundriß der Physik und Meteorologie von Dr. Müller, korrespondierendes Mitglied (Очерк физики и метеорологии, доктора Мюллера, члена-корреспондента) (пример из «Kleine Grammatik der deutschen Sprache», Leipzig, 1954). Именительный падеж может выступать также в виде обстоятельства сравнения, опять же будучи непосредственно связанным с именительным падежом (с подлежащим или с предикативом), например: Ich war müde wie ein Hund und schlief wie ein Gott (Heine) (Я был усталым как собака и спал как бог). Именительный падеж является в немецком языке (как и в русском) падежом обращения: Du, liebes Kind, komm geh mit mir! (Goethe) (Милое дитя, пойди со мной). Lebt wohl, ihr Berge! (Прощайте, горы!) Именительный падеж может также выступать как предикативное определение типа: Er arbeitet als Ingenieur (он работает инженером); именительным падежом оформляются так называемые назывные предложения: der Tiergarten, brausende Bäume—sie und

Heinz. Die Stufen der Untergrundbahn, ein Menschenstrom—sie und Heinz (Тиргартен, шумящие деревья—она и Гейнц. Ступеньки метро, человеческий поток—она и Гейнц).

В других случаях именительный падеж может быть вынесенным в начало предложения для его большего усиления и подчеркивания. В таком случае он связан с другими членами предложения, главным образом через местоимение, например: Der ältere jener beiden Jünglinge, wir fanden ihn am Strand (Старший из тех обоих юношей, мы встретили его на пляже). Die Kinder, die machen es gern (Дети, они делают это охотно).

Семантику падежей и их возможные связи с другими словами в предложении мы будем рассматривать в плане словосочетания. Таким образом выделяются из предложения словосочетания глагольные, т. е. состоящие из ведущего слова — глагола + имя существительное в косвенном падеже или с предлогом, именные, т. е. состоящие из имени существительного, связанного с другим существительным в родительном падеже, в падеже ведущего существительного, в косвенном падеже с предлогом, или из ведущего имени существительного + имя прилагательное, и, наконец, словосочетания, состоящие из ведущего слова — имени прилагательного + имя существительное в косвенном падеже или с предлогом.

Параллельно мы будем анализировать роль соответствующего словосочетания как члена предложения.

Винительный падеж. Начнем с глагольных словосочетаний, а именно со словосочетаний ведущего слова—глагола с винительным падежом имени существительного. Отношения между глаголом и именем существительным здесь в первую очередь могут быть объектными. При объектных отношениях, как правило, лексика глагола требует уточнения, конкретизации и дополнения в виде существительного, имеющего форму винительного падежа. Такие глаголы называются, как известно, переходными. И в самом деле, такие глаголы, как, например: nehmen (взять, брать), finden (находить), werfen (бросать), geben (давать), lieben (любить) и другие не могут выступать в предложении, не будучи дополнены винительным падежом имени существительного, и образуют словосочетания типа: Ein Buch nehmen (взять книгу), eine Blume suchen (искать цветок), eine Blume finden (найти цветок), einen Stein werfen (бросить камень), einen Rat geben (дать совет), die Mutter lieben (любить мать), den Frieden erhalten (сохранить мир) и другие.

(В дальнейшем изложении мы будем для краткости ограничиваться названием падежа, опуская слова: «имени существительного»).

Немецкая грамматическая литература определяет винительный падеж как падеж, который целиком зависит от глагольного действия[1]. И действительно, винительный падеж в подобных словосочетаниях представляет собой или цель глагольного действия, целиком охваченную этим действием, например: Ich lese eine Zei-

[1] K. Brugmann und B. Delbrück, Grundriß der vergleichenden Grammatik der indogermanischen. Sprachen. Straßburg, 1911, Bd. II, Teil II, S. 471.

tung (я читаю газету); Ich kaufe einen Bleistift (я покупаю карандаш); Ich rufe ein Kind (я зову ребенка); einen Stein werfen (бросить камень); и т. д., или же это может быть результат глагольного действия, новое качество, возникающее в результате глагольного действия, например, в словосочетаниях: Einen Brief schreiben (писать письмо), ein Buch drucken (напечатать книгу), eine Tasse zerbrechen (разбить чашку).

Некоторые глаголы могут сочетаться как с винительным цели, так и с винительным результата, например: Wasser gießen (лить воду), Kugeln gießen (лить пули), einen Wagen ziehen (тащить телегу), eine Linie ziehen (провести линию) и другие.

Таким образом, здесь имеется как бы взаимодействие двух моментов: с одной стороны, лексическое значение переходного глагола требует своего дополнения, своей конкретизации существительным. С другой стороны, форма винительного падежа как раз и содержит семантику цели или результата действия и потому как нельзя лучше подходит для образования словосочетания с переходным глаголом.

Винительный падеж, главным образом личного местоимения, может образовывать словосочетания с безличными глаголами субъективных переживаний, как: es freut mich (меня радует), es friert mich (мне холодно), es hungert, dürstet mich (я голоден, испытываю жажду), es schläfert mich (меня клонит ко сну), es ekelt mich (мне противно).

Фактический носитель состояния выступает в данных конструкциях не в именительном падеже и не является подлежащим в предложении, а принимает форму винительного падежа (сравни с русским: меня знобит, меня тошнит), благодаря чему возникает безличная форма с обязательным в немецком языке формальным подлежащим *es*.

Во всех словосочетаниях объектного типа глагол связан с винительным падежом по способу управления.

Винительный падеж личного и возвратного местоимения может образовать словосочетание с возвратными глаголами типа: sich waschen (умываться), sich kämmen (причесываться), sich ankleiden, sich anziehen (одеваться), sich rasieren (бриться) и другие.

В тех же случаях, где местоимение *sich* не является самостоятельным словом, а лишь средством интранзитивации глагола, как в случае sich wenden (обращаться), sich senken (опускаться), sich zeigen (показываться), sich heben (подниматься), или словообразовательным средством, как в глаголах sich abschuften (намаяться), sich ausruhen (отдыхать), sich betragen (держаться), sich wundern (удивляться) и др.[1], оно не образует словосочетания с глаголом и является лишь его неотделимым спутником, как русское *-ся* в глаголах *улыбаться, удивляться* и других.

Иногда переходный глагол вступает в сочетание не с одним винительным падежом, а с двумя. В таком случае между глагола-

[1] См. диссертацию В. Д. Девкина. Глаголы с sich в современном немецком языке, М., 1952.

ми и каждым из винительных падежей складываются различные отношения. Если первый винительный падеж в словосочетании den Knaben einen guten Schüler nennen (назвать мальчика хорошим учеником), den Knaben einen Dummkopf schimpfen (бранить мальчика глупцом) находится в объектных отношениях с глаголом, дополняя его значение, то второй винительный падеж в равной степени связан как с глаголом, так и с первым винительным, например, в предложении: Man nannte ihn einen guten Schüler. Man nannte einen guten Shüler (называли хорошим учеником), ihn—einen guten Schüler (его—хорошим учеником). Таким образом, второй винительный связан двойной семантической и синтаксической связью с другими частями словосочетания, образуя уже не объектные, а какие-то другие отношения, характеризующие как глагол, так и первый винительный падеж. Если такой второй винительный взять не в плане словосочетания, а в плане члена предложения, то едва ли можно согласиться с точкой зрения большинства немецких грамматик, что он является, как и первый винительный, дополнением в предложении. Скорее можно считать такой винительный падеж, учитывая его двойные связи, предикативным атрибутом (предикативным определением). Лишь в словосочетании с глаголом lehren оба винительных падежа могут рассматриваться как объектные.

Если взять отношения объектных словосочетаний с винительным падежом к предложению, то мы увидим, что здесь нет совпадения между формой словосочетания и формой члена предложения в рамках предложения. Подобное словосочетание объединяет в себе два члена предложения — сказуемое и дополнение. Граница словосочетания и члена предложения не совпадает, а пройдет между частями словосочетания: Wir schreiben einen Aufsatz (мы пишем сочинение). Глагольно-объектное словосочетание: schreiben einen Aufsatz (пишем сочинение). Члены же предложения анализируются здесь следующим образом: schreiben (пишем) — сказуемое, einen Aufsatz (сочинение) — дополнение.

Отношения внутри глагольного словосочетания с винительным падежом могут быть не только объектными. Они могут быть и пространственными, временными и просто количественными, например: Gorki-Straße wohnen (жить на улице Горького), Nächste Haltestelle aussteigen (выйти на ближайшей остановке), einen langen Weg gehen (пройти долгий путь) (пространственные) Или: den ganzen Tag arbeiten (работать целый день), nächsten Sommer an die See fahren (поехать к морю будущим летом), den anderen Morgen mußte ich meinen Ranzen nochmals erleichtern (Heine) (на следующее утро я еще раз должен был облегчить свой ранец) (временные). Или: 20 Jahre alt sein (быть 20-ти лет от роду), 3 Meter hoch sein (высотой в три метра), viele Kilometer lang sein (длиной во много километров) (количественные).

В подобных случаях наличие винительного падежа не вызывается лексико-грамматическими свойствами глагола, глагол не управляет этим винительным падежом. Синтаксические отношения

здесь не объектные, а скорее адвербиальные, обстоятельственного характера. Подобный винительный падеж связан с ведущим глаголом не синтаксической связью управления, а связью примыкания. При использовании подобного словосочетания в предложении получатся взаимоотношения глагола-сказуемого и обстоятельства: wir arbeiteten den ganzen Tag (мы работали весь день). Wir—подлежащее, arbeiteten—сказуемое, den ganzen Tag—обстоятельство времени.

Винительный падеж может иметь в словосочетании двоякую связь. С одной стороны, быть связанным объектно с глаголами физических чувств: sehen, hören, fühlen (видеть, слышать, чувствовать) и некоторыми другими; с другой же стороны, быть связанным субъектно с инфинитивом, например: Die Nachbarin singen hören (слышать, как поет соседка). Глагол hören и винительный падеж Nachbrin связаны объектно, инфинитив singen и винительный падеж—субъектно, (wie die Nachbarin singt). Эта конструкция носит в грамматике название Accusativus cum Infinitivo (винительный падеж + инфинитив). Русскому языку подобная конструкция чужда, являясь очень распространенной в языках романской группы.

При переносном значении ведущего глагола словосочетания винительный падеж может образовать с ним устойчивое фразеологическое выражение, причем характер связи такого винительного с глаголом может быть различным.

I. Глагол и винительный падеж образованы от одного корня. В таком случае винительный падеж выступает как бы стилистическим усилителем глагольной семантики, например: einen schönen Traum träumen (видеть прекрасный сон); einen schweren Gang gehen (пройти тяжелый путь); einen tiefen Schlaf schlafen (спать глубоким сном), einen schweren Kampf kämpfen (вести тяжелую борьбу), «Gar schöne Spiele spiel ich mit dir» (Goethe) (я буду играть с тобой в прекрасные игры).

В подобных случаях почти всегда винительный падеж сопровождается определением-прилагательным, очевидно для смягчения тавтологии и для стилистического использования такого винительного падежа.

II. Корень глагола близок по значению корню имени существительного в винительном падеже. Взаимоотношения те же, что и в первом случае, например: Wut schnauben (пыхтеть от ярости), einen Walzer tanzen (танцевать вальс), bittere Tränen weinen (плакать горькими слезами), eine Schlacht kämpfen (вести бой), den ewigen Schlummer schlafen (спать вечным сном), Klavier, Geige spielen (играть на рояле, скрипке).

III. Отношения между глаголом и винительным падежом могли быть в прошлом объектными или адвербиальными. В настоящее время, благодаря переносу и сужению значения глагола, благодаря специализации значения обеих частей, получилось устойчивое словосочетание, выражающее одно нерасчленимое понятие, которое

не может быть расчленено без нарушения значения целого. Это конструкция типа: Platz nehmen (сесть), Fuß fassen (обосноваться), Abschied nehmen (проститься), Gefahr laufen (подвергаться опасности), Wache stehen (стоять на страже), Schlittschuh laufen (кататься на коньках).

С точки зрения синтаксической, т. е. роли таких словосочетаний в предложении, они представляют собой единое сказуемое с распределением его семантики между глагольной и именной его частью, при значительном семантическом побледнении глагола.

Словообразовательные тенденции немецкого языка дают в подобных случаях, иногда в результате тесного слияния винительного падежа с глаголом, сложный глагол типа: radfahren (ехать на велосипеде), teilnehmen (участвовать), notlanden (совершить вынужденную посадку). Однако языковые процессы, как известно, чрезвычайно длительны, и совершенно невозможно предугадать, какие словосочетания и когда могут перейти в сложные глаголы, и перейдут ли они в таковые вообще.

Существительное в винительном падеже может иногда войти в предложение, не образуя сочетания с глаголом-сказуемым. Оно остается совершенно самостоятельным в рамках предложения, будучи связано лишь внутри своего особого сочетания или с предложной конструкцией, или со вторым причастием транзитивного глагола. С остальным предложением оно грамматически никак не связано. Семантически оно большей частью обозначает какие-либо черты внешности, одежды и пр. субъекта предложения (если существительное в винительном падеже связано с предложной конструкцией), например: Das Mädchen trat ins Zimmer, ein Buch in der Hand (девушка вошла в комнату с книгой в руке). Er hielt sich neben ihr, die Hände in den Taschen des Mantels (он стоял около нее, держа руки в карманах пальто), или же состояние подлежащего, если оно образует словосочетание со вторым причастием, например: Sie stand am Fenster, die Augen in die Ferne gerichtet (она стояла у окна с устремленными вдаль глазами). Er ließ sich auf einen Stuhl nieder, die Hände im Schoß ineinandergepreßt (он опустился на стул со сжатыми на коленях руками).

Такие конструкции носят в грамматике название абсолютного винительного падежа. Любопытно, что второе причастие переходных глаголов получает в подобной конструкции как бы двойное значение: по отношению к управляемому им винительному падежу оно сохраняет свой пассивный характер, например: *Она стояла у окна с устремленными вдаль глазами.* По отношению же к подлежащему предложения подобное причастие переосмысляется как русское деепричастие действительного залога: *Она стояла у окна, устремив глаза вдаль.*

Конструкция с абсолютным винительным без причастия переводится на русский язык соответствующим предложным оборотом, например: *Он стоял около нее с руками в карманах пальто. Он вошел в комнату с книгой в руке.*

Винительный падеж может образовать словосочетания не только с глаголом, но и с именем прилагательным. И здесь обе части словосочетания соединены связью управления. Очевидно предикативная функция имени прилагательного, как части именного сказуемого, дает ему эту способность управления, которую прилагательное сохраняет и в атрибутивной функции. Это, обычно, качественные прилагательные. При их выступлении в атрибутивной функции соответствующее словосочетание оказывается уже не двух, а трехсловным. Ein drei Meter hohes Zimmer (комната высотой в 3 метра), ein 10 Meilen langer Weg (дорога длиной в 10 миль), ein 4 Jahre alter Junge (мальчик четырех лет). Семантические отношения в подобных словосочетаниях, как явствует из примеров, часто бывают отношениями количества или меры. Подобные словосочетания могут еще более распространяться, например: ein 4 Jahre alter, von allen geliebter Junge (мальчик четырех лет, всеми любимый). Подобные конструкции носят в немецком языке название распространенного определения (Erweitertes Attribut).

Дательный падеж. Глагольные словосочетания могут представлять собой также соединения ведущего слова — глагола с существительным в дательном падеже. Основные отношения в таких словосочетаниях — объектные. В противоположность существительному в винительном падеже, имеющему семантику цели, на которую направлено глагольное действие, или результата этого действия, и таким образом являющемуся падежом вещественным, существительное в дательном падеже выражает «то лицо или тот предмет, к которому действие направлено»[1], лицо, на которое действие ориентируется, которое является заинтересованным в действии. Немецкая грамматическая литература определяет дательный падеж как «падеж заинтересованности»[2]. Преимущественно личному (а не предметному) характеру дательного падежа соответствует и семантика глаголов, сочетающихся с дательным падежом. Это почти всегда семантика «внутренних отношений, чувствования или мысли, направленных на объект»[3], например, это глаголы: danken (благодарить), gratulieren (поздравлять), begegnen (встречать), folgen (следовать), weichen (отступать), entgegnen (возражать), gleichen (походить), schmeicheln (льстить), gefallen (нравиться), nutzen (быть полезным), schaden (вредить) и другие.

Среди словосочетаний глаголов с дательным падежом встречаются глаголы переходные, требующие для полноценного выражения своего значения двух падежей: винительного падежа, выражающего предмет, который подвергается действию, и дательного падежа, большей частью лица, «к которому направлено действие»,

---

[1] «Грамматика русского языка». Изд. Академии наук СССР, 1954, т. II, ч. I, стр. 128.

[2] K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der idg. Sprachen, Bd. II, T. II, S.471.

[3] «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 129.

например: geben (давать), nehmen (брать), liefern (поставлять), empfehlen (рекомендовать), zeigen (показывать), erlauben (разрешать) и другие.

Особо здесь можно выделить группу глаголов с семантикой речевого общения, например: sagen (сказать), melden (докладывать), erlauben (разрешать), befehlen (приказывать), antworten (отвечать), erzählen (рассказывать), mitteilen (сообщать) и т. д.

Так же, как и винительный падеж, дательный падеж имени существительного, в особенности же личного местоимения, может вступать в словосочетания с безличными глаголами, выражающими переживания или субъективные ощущения лица. Как и в параллельных конструкциях с винительным падежом, подобный дательный падеж содержит в себе указание на лицо, носителя состояния, например: es ahnt mir (я предчувствую), es träumt (мне мерещится), es schmeckt mir (вкусно), es graut mir (мне страшно), es scheint mir (мне кажется) и др. Здесь возможны также конструкции с глаголами sein и werden, например: mir ist schlecht (мне плохо), dem ist nicht so (это не так), den Leuten wurde kalt und heiß (людей обдало холодом и жаром)

Будучи «падежом заинтересованности», дательный падеж может вступать в свободные словосочетания с глаголами, семантика которых не требует дополнения в виде дательного или какого-либо иного падежа, как, например, в случаях:

1. Dem Glücklichen schlägt keine Stunde (счастливые часов не наблюдают).
   Mir blühen diese Blumen (для меня цветут эти цветы).
   Dem Mann schwand der Mut (мужество покинуло человека).
2. Mir tut der Kopf weh (у меня болит голова).
   Mir tut das Bein weh (у меня болит нога).
3. Komm mir nicht zu spät! (не приходи поздно!).
   Das ist mir eine Sache! (это штука!).

Приведенные здесь глаголы, как blühen (цвести), schwinden (исчезать), kommen (приходить) и другие являются так называемыми «субъектными» глаголами, т. е. глаголами, действие или состояние которых ограничивается сферой субъекта действия и не требует иных объектов. Глагол же schlagen (бить) не сочетается с дательным падежом, таким образом «свободный дательный», который встречается в подобных конструкциях, является именно дательным «заинтересованности», легко может быть изъятым из предложения без ущерба для его грамматической структуры, но с соответствующим изменением содержания, как, например, в случае: Die Stunde schlägt (бьет час) или Diese Blumen blühen (цветы цветут), а иногда и совершенно без ущерба и для его смысла, как, например, в случаях: Der Kopf oder mein Kopf tut weh; Komm nicht zu spät! Das ist eine Sache!

Дательный падеж зависимого возвратного местоимения sich или личного местоимения может встречаться в сочетании с глаголами с sich параллельно к подобным конструкциям с винительным

падежом, например: sich ansehen (осматривать), ich sehe mir die Stadt an (я осматриваю город); sich antun, sich anschaffen (совершить над собой, приобрести себе) и т. д. Подобно словосочетаниям с винительным падежом, ведущим словом словосочетаний с дательным падежом может быть и имя прилагательное, например: fremd (чужой): Ein mir fremder Mensch (чужой мне человек); teuer (дорогой), lieb (любимый), gleich (равный), böse (злой), willkommen (желанный), überlegen (превосходящий) + дательный падеж, например: Ein mir teueres Kind (дорогой мне ребенок). Das Kind ist mir teuer (ребенок мне дорог). Der Junge ist allen lieb (мальчик всеми любим). Ein allen lieber Junge (всеми любимый мальчик). Eine den andern in vielem überlegene Studentin (студентка, превосходящая других во многом). Подобное распространенное определение (erweitertes Attribut) может быть синонимичным обособленному определению: Die Studentin, allen anderen in vielem überlegen, macht weitere Fortschritte (студентка, превосходящая других во многом, делает дальнейшие успехи).

Дательный падеж, как правило, не образует сочетаний с существительными. Исключения составляют возможности такого сочетания в аппозиции типа: Das Kind, dem Vater eine Freude (ребенок—радость отца).

Родительный падеж. В отличие от дательного и винительного падежей, родительный падеж в современном немецком языке лишь в ограниченном числе случаев сочетается с глаголом или прилагательным объектно. В основном родительный падеж имени существительного вступает в словосочетания со вторым именем существительным.

В грамматической литературе родительный приглагольный рассматривается как падеж, на который не распространяется целиком глагольное действие, как это происходит, например, с винительным падежом, но который представляет собой лишь сферу, частично затронутую действием, например, sich schämen des gemachten Fehlers (стыдиться сделанной ошибки) или же родительный падеж означает разделение, отрыв от лица или от предмета, например: jemanden seiner Ruhe berauben (отнять у кого-либо покой)[1].

Внутри глагольного словосочетания с родительным падежом отношения могут быть объектные и обстоятельственные (образа действия, пространственные и временные).

Обширная группа глаголов, которые в старом немецком языке могли сочетаться с родительным падежом, чрезвычайно сократилась в современном языке за счет сочетания с другими падежами или с предложными конструкциями. Наиболее употребительные из оставшихся, например, bedürfen (нуждаться) или gedenken (помнить) также часто уступают место синонимичным глаголам

[1] K. Brugmann und B. Delbrück. Grundriß der vergleichenden Grammatik der idg. Sprachen. Bd. II, T. II, S. 471.

с иным управлением, например, соответственно bedürfen заменяется brauchen + винительный падеж; gedenken—sich erinnern an + винительный падеж, например: Er bedarft der Ruhe—er braucht Ruhe (он нуждается в покое).

Если еще в XVIII веке такие глаголы, как essen (есть), trinken (пить), kosten (пробовать), genießen (наслаждаться) и другие употреблялись с родительным падежом: Ich aß des Brotes, trank des Wassers (подобно сочетаниям в современном русском языке: *съел хлеба, выпил воды),* то в современном языке такая конструкция совершенно неприемлема и заменяется словосочетаниями с винительным падежом, например: Ich aß Brot (ел хлеб); trank Wasser (пил воду); genoß die Ruhe (наслаждался покоем).

Любопытно, что наличие в словосочетании глагола с родительным падежом еще второго падежа, главным образом винительного, даже в форме возвратного местоимения, делает все словосочетания более устойчивыми, и родительный падеж таких словосочетаний не исчезает и в современном языке. Обычно в таких словосочетаниях отношения объектные с семантикой:

1. Лишения, например: jemanden der Ruhe berauben (лишить покоя), jemanden einer Schuld entlasten (снять вину).

2. Частичного или полного овладения объектом действия, например, sich eines Gegenstandes bedienen (пользоваться чем-либо), sich eines Gegenstandes bemächtigen (овладеть чем-либо), sich eines Menschen oder einer Sache annehmen (заботиться о чем-либо).

3. Достижения какого-то предела, например, einer Sache versichern (уверить в чем-либо), einer Sache überzeugen (убедить в чем-либо), der Notwendigkeit des Kampfes für den Frieden überzeugen (убеждать в необходимости борьбы за мир), einer Sache belehren (поучать в чем-либо), beschuldigen (обвинить в чем-либо).

Во всех подобных словосочетаниях винительный падеж содержит понятие лица, а родительный — предмета или отвлеченное понятие, например: Man beschuldigte den Mann eines Verbrechen (человека обвинили в преступлении). Die Imperialisten bemächtigten sich der Kolonien (империалисты овладели колониями).

Отношения между глаголом и родительным падежом внутри глагольного словосочетания могут быть не только объектными, но и адвербиальными, например, пространственными, временными и способа протекания действия или состояния. Здесь родительный падеж не зависит ни от грамматических, ни от лексических свойств ведущего глагола, а входит в сочетание, как уже готовая конструкция для выражения определенных отношений, например: seines Weges gehen, fahren (итти своим путем) (пространственные); des Mittags, des Abends lesen (в полдень, вечером читать) (временные). Более распространенными являются формулы способа протекания действия. Употребляемые главным образом с атрибутом—прилагательным. Поэтому словосочетания такого типа выступают не как простые, а как распространенные, например: etwas stehenden Fußes

machen (сделать наспех), alles Ernstes oder spottender Weise sprechen (говорить всерьез или говорить насмешливо), geflügelten Schrittes gehen (итти поспешно), gesenkten Kopfes stehen (стоять с опущенной головой). Подобные конструкции с пространственным, временным и модальным значением приближаются, собственно говоря, по значению и по застывшей форме к наречию, они адвербиализируются. Способ синтаксической связи между словами в таком словосочетании не управление, а примыкание.

Родительный падеж может также выступать зависимым словом словосочетания, ведущим словом которого является имя прилагательное. В современном языке такие словосочетания также малоупотребительны, и в них родительный падеж имеет тенденцию уступать место другому падежу или предложной конструкции. Отношения в словосочетаниях прилагательного с родительным падежом обычно объектные, например: des Vertrauens würdig (достоиный доверия), der Treue überzeugt, von der Treue überzeugt (уверенный в верности), des Benehmens überdrüssig (недовольный поведением), der Erholung bedürftig (нуждающийся в отдыхе), der Reise müde (von der Reise müde) (усталый от поездки), einer Sache los — и с винительным: eine Sache los sein (освободившийся от чего-либо), einer Sache frei или с предлогом: fon einer Sache frei sein (быть свободным от чего-либо), einer Sache schuld или an einer Sache schuld (виновный в чем-либо) и другие.

Такие словосочетания выступают как предикативно — der Kranke ist der Pflege bedürftig (больной нуждается в уходе), так и атрибутивно—ein der Pflege bedürftiger Kranker (больной, нуждающийся в уходе).

В противоположность незначительной распространенности в современном языке объектных словосочетаний с зависимым родительным падежом, ведущим словом которых является глагол или имя прилагательное, чрезвычайно распространенными оказываются словосочетания с зависимыми родительным падежом и ведущим словом — именем существительным. Такой родительный падеж носит в грамматике название приименного или адноминального (в отличие от отглагольного или адвербиального).

В таких именных словосочетаниях отношения между главным словом и зависимым родительным падежом выступают, главным образом, как отношения атрибутивные, т. е. определительные. Части такого словосочетания связаны между собой по способу управления.

Среди именных словосочетаний с родительным падежом следует различать две группы: 1. Словосочетания, в которых ведущим является имя существительное, не соотносительное по словообразовательному составу с глаголом (или с прилагательным) и 2. Словосочетания, в которых ведущим является отглагольное существительное (в отдельных случаях существительное, соотносительное с именем прилагательным).

1. Ведущим словом первого типа словосочетаний может быть любое существительное. Отношения между обоими существительными в словосочетании очень разнообразны.

Очень часто это могут быть отношения принадлежности, понимаемые в широком смысле: как отношения непосредственного владения, например: das Buch des Studenten (книги студента), das Spielzeug des Kindes (игрушка ребенка), das Haus der Kollektivwirtschaft (дом колхоза), или родства: der Sohn meines Freundes (сын моего друга), die Tante meines Nachbars (тетка моего соседа).

Отношение принадлежности может, наконец, выступать как отношение автора и его произведения, например: Lenins geniale Werke (гениальные труды Ленина), die Gedichte Puschkins (стихотворения Пушкина), Gogols Komödie (комедия Гоголя).

Словосочетания с родительным падежом могут иметь значение целого и его части: Ein Teil des Gehalts (часть зарплаты), einer der Studenten (один из студентов), das Dach des Hauses (крыша дома). Кроме того, родительный падеж может выразить различные отношения к лицам, предметам, учреждениям, например: die Pläne der Kriegstreiber (планы поджигателей войны), ein Lehrer dieses Instituts (учитель этого института), die Enge des Raums (теснота помещения), die Ruhe des Tages (тишина, покой дня).

Родительный количества, свойственный русскому языку (стакан чая, кусок хлеба, килограмм масла) в современном немецком языке не употребляется, заменяясь винительным, или тем же падежом, в котором стоит ведущее существительное, например: ein Glas Tee (стакан чая), ein Stück Brot (кусок хлеба), ein Kilo Fleisch (килограмм мяса), ich trank ein Glas kalte Milch (я выпил стакан холодного молока)

При наличии атрибута родительный возможен, например: Ich trank ein Glas erfrischende Limonade и erfrieschender Limonade. Родительный падеж может носить чисто определительный характер, обозначая признак ведущего слова словосочетания: die Kälte des Winters (зимняя стужа), die Freude des Wiedersehens (радость встречи), ein Mann mittleren Alters (мужчина средних лет). eine Frau großer Fähigkeiten (женщина больших способностей).

2. Особняком стоят словосочетания, в которых родительный падеж зависит от существительного отглагольного происхождения. Будучи в синтаксическом плане определениями, как и все другие случаи приименного родительного падежа, такие словосочетания содержат совершенно иные отношения между составляющими их словами. Отношения эти могут быть, по терминологии Грамматики русского языка Академии наук СССР, «определительно субъектными» [1], если главное слово называет действие, а зависимое слово — производителя действия, например: Die Schreie der Kinder die Kinder schreien (крики детей—дети кричат). Der heldenn-

[1] «Грамматика русского языка», т. II, ч. I, стр. 240.

mutige Kampf des Friedensanhänger—die Friedensanhänger kämpfen heldenmutig (героическая борьба сторонников мира—сторонники мира ведут героическую борьбу), или отношения эти носят характер объектных, причем главное слово словосочетания соотносительно с переходным глаголом, требующим винительного падежа. Таким образом, ведущее слово называет действие, а зависимое—его объект, например: das Lesen der Zeitung—die Zeitung wird gelesen (чтение газеты—газета читается), der Verkauf der Zeitung—die Zeitung wird verkauft (продажа газеты—газета продается); die Zerstörer der Ruhe—die Ruhe wird zerstört (нарушители спокойствия—спокойствие нарушается).

Следует отметить, что здесь имеет место расхождение между управлением глагола и соотносительного отглагольного существительного. Если глагол управляет здесь винительным падежом, то соотносительное существительное требует формы родительного падежа.

Следует оговорить, что несмотря на большую распространенность атрибутивного родительного падежа в немецком языке, он все же ограничивается чрезвычайно развитой системой словообразования существительных путем словосложения. Сложные слова очень часто эквивалентны по своему значению русским именным словосочетаниям с родительным падежом, например: член партии—das Parteimitglied, чувство долга—das Pflichtgefühl, голова девочки—der Mädchenkopf, здание школы — das Schulgebäude, порог дома—die Hausschwelle, ворота дома—das Haustor, ступень лестницы—die Treppenstufe, рукав платья—der Kleiderärmel, карман пальто—die Manteltasche и другие.

В отдельных случаях родительный падеж имени существительного может выступать в предложении как часть именного сказуемого, например: Ich bin der Meinung (я такого мнения). Er ist guter Laune (он в хорошем настроении). Die Kinder sind gleichen Alters (дети одного возраста).

В очень редких случаях, благодаря переосмыслению древней конструкции, родительный падеж может играть роль подлежащего в предложении. Например: Unseres Bleibens ist hier genug (довольно мы здесь побыли), Ihrer waren drei (их было трое). В этих случаях родительный падеж не является зависимым членом глагольного или именного словосочетания, а выступает как один из главных членов предложения.

Имена во всех трех косвенных падежах: винительном, дательном и родительном могут играть в предложении еще синтаксическую роль приложения (аппозиции) к имени существительному, будучи связанными с ним отношениями согласования, например: Die Gedichte von Majakowsky, dem besten Dichter unserer Zeit, werden viel gelesen (стихотворения Маяковского, лучшего поэта нашего времени, читаются многими), или выступать в функции обстоятельства—сравнения, например: Es geht mir mit Büchern, wie mit neuen Bekanntschaften (к книгам я отношусь, как к новым знакомым). Sie gleichen einander wie ein Ei dem

ähnlich (они похожи друг на друга, как одно яйцо на другое) (как две капли воды).

* * *

Помимо рассмотренных нами беспредложных словосочетаний с именем существительным в различных падежах в немецком языке широко распространены словосочетания предложного типа, в которых ведущее слово словосочетания — глагол, имя прилагательное или имя существительное — соединяются со вторым словом словосочетания—именем существительным при помощи предлога. При этом предлоги и предложные конструкции могут играть различную роль в словосочетании и в предложении и выражать различные отношения между словами в словосочетании и между словосочетаниями в предложении [1]. Мы рассмотрим здесь три типа возможностей предложных конструкций.

1. Выбор того или иного предлога зависит от лексико-грамматических свойств ведущего слова словосочетания, от его способности «управлять» определенной падежной формой с определенным предлогом. Выбор предлога, давая возможность расширить рамки падежной семантики, в таких случаях очень часто не может быть объяснен, с точки зрения современного языка, ни семантикой ведущего слова словосочетания — глагола или имени прилагательного, ни семантикой самого предлога, потерявшего в таких случаях свое первоначальное конкретное значение и употребленного главным образом как средство связи имени с ведущим словом словосочетания для выражения, в основном, объектных отношений. Это случаи типа: warten auf die Straßenbahn (ожидать трамвая), sorgen für die Kinder (заботиться о детях), denken an die Zukunft (думать о будущем), sich freuen auf, über etwas (радоваться чему-либо), sich verlassen auf jemand (положиться на кого-либо), glauben an etwas (верить чему-либо), vertrauen auf etwas (доверять чему-либо), verwandeln in etwas (превратить во что-либо), bitten um etwas (просить о чем-либо) и другие.

Очевидно, эти конструкции призваны во многих случаях уточнять, конкретизировать семантику ведущего глагола или имени прилагательного, однако с точки зрения современного языка трудно установить утерянные семантические связи. Здесь действуют в настоящее время силы грамматической традиции, зачастую необъяснимые с точки зрения современного языка. Это тем более возможно, что управление, свойственное глаголам или некоторым прилагательным, не является чем-то незыблемым, раз и навсегда данным. Так, например, управление в различных языках очень часто расходится, например: den Berg ersteigen (винительный падеж) (взбираться на гору), auf die Straßenbahn warten (ожидать трамвая), für die Kinder sorgen (заботиться о детях), für etwas verantwortlich sein (отвечать за что-либо), sich für etwas

[1] В этой связи смотри статью Е. В. Кротевич. Синтаксические отношения между словами и способы их выражения. Львов, 1949.

interessieren (интересоваться чем-либо), etwas brauchen (нуждаться в чем-либо) и пр.

Таким образом, мы имеем в одном языке один предлог или падеж, в другом — другой.

Да и в самом немецком языке управление менялось на протяжении истории языка, один вид управления заменялся другим, о чем уже говорилось выше. В новонемецком языке имеется сильная тенденция заменять глагольные и адъективные словосочетания с родительным падежом предложными словосочетаниями, например: denken der Gefallenen—denken an die Gefallenen (думать о погибших), sich erinnern der Vergangenheit—sich erinnern an die Vergangenheit (вспоминать о прошлом), sich freuen des Lebens—sich freuen über das Leben (радоваться жизни), spotten der Ungeschickten—spotten über die Ungeschickten (насмехаться над неловкими), sich besinnen des Gesprochenen—sich besinnen auf das Gesprochene (размышлять о сказанном); или с прилагательными: der Treue überzeugt sein—von der Treue überzeugt sein (быть уверенным в верности), der Reise müde sein—von der Reise müde sein (быть усталым от путешествия), des Erfolgs stolz sein—auf den Erfolg stolz sein (гордиться успехом), einer Sache schuld sein—an einer Sache schuld sein (быть виновным в чем-либо).

При этом следует заметить, что родительный падеж, конкурирующий с иными падежами, главным образом с винительным или с предложными конструкциями, используется зачастую стилистически. Так, родительный падеж является более архаической конструкцией и используется иногда для торжественной речи, во всех же остальных речевых стилях употребляется преимущественно предложная конструкция или словосочетания с иными падежами, синонимичными в данном случае с родительным падежом.

2. Второй тип предложных конструкций характеризуется тем, что предлог в них не утратил своей собственной семантики. Здесь выбор того или иного предлога определяется не свойством ведущего слова словосочетания «управлять» тем или иным падежом с предлогом, а общим смысловым заданием словосочетания и предложения. Например: Wir sitzen im Auditorium am Fenster, neben der Tafel, vor dem Lehrer (мы сидим в аудитории у окна, около доски, перед учителем), wir fahren nach Moskau (мы едем в Москву), das Buch liegt im Schrank, auf dem Tisch, neben dem Heft (книга лежит в шкафу, на столе, около тетради), Ich hänge die Tabelle an die Wand (я вешаю таблицу на стену).

Как уже было сказано, выбор предлога здесь не зависит от глагольного управления, так как одно предложное словосочетание, в зависимости от вкладываемого в него смысла, может быть заменено другим, например:

Ich hänge die Tabelle an die Wand, über den Tisch, unter das Bild, zwischen 2 Wände, neben die Uhr (я вешаю таблицу на стену, над столом, под картиной, между двумя стенами, около часов).

Поэтому средством синтаксической связи между частями словосочетания является здесь не управление, а примыкание. В русской грамматике подобные конструкции носят название «слабоуправляемых».

И в этом типе предложных словосочетаний предлог может иметь более или менее самостоятельное значение и в большей или меньшей степени определять собой семантическую связь между частями словосочетания. Наиболее конкретным значением обладают предлоги с семантикой пространственных связей. Но чем более эти предлоги расширяют свое значение и сферу своего употребления, чем более их значение становится переносным, тем расплывчатее становится их собственная семантика, например: Ich sitze vor dem Fenster (я сижу перед окном), Ich zittere vor Kälte (я дрожу от холода), Sie kam vor einer Stunde (она пришла час тому назад), Ich komme in 2 Stunden (я приду через два часа), Ich fahre in die Stadt (я еду в город).

3. Предложная конструкция может быть синонимичной простому падежу. Так, например, в немецком языке имеются параллельные конструкции: Sagen jemandem—sagen zu jemandem (сказать кому-либо), kaufen, nähen jemandem и kaufen, nähen für jemanden (покупать, шить кому-либо, для кого-либо), schreiben jemandem—schreiben an jemanden (писать кому-либо).

Особенно часто такие предложные конструкции выступают параллельно родительному падежу, все больше вытесняя его в современном языке, в особенности при объектных отношениях в словосочетании, например: sich erinnern eines Werks—sich erinnern an ein Werk (вспоминать о произведении), sich freuen des Frühlings—sich freuen auf, über den Frühling (радоваться весне), sich besinnen des Gehörten—sich besinnen auf das Gehörte (размышлять о слышанном), spotten des Lächerlichen—spotten über das Lächerliche (насмехаться над смехотворным).

Да и в атрибутивной функции родительный падеж часто уступает место конструкции с von, реже с auf и с in, например: die Straßen des sozialistischen Moskaus—die Straßen vom sozialistischen Moskau (улицы социалистической Москвы), die Werke Puschkins—die Werke von Puschkin (произведения Пушкина), das Ende des Liedes—das Ende vom Lied (конец песни), die Schönheiten des Südens—die Schönheiten im Süden (красоты юга), die Blumen der Wiese—die Blumen auf der Wiese (цветы луга).

В именных словосочетаниях, в которых ведущее слово —существительное связано со вторым словом при помощи предлога, мы можем также различать два типа:

1. Ведущее слово — от глагольного происхождения и сохраняет глагольное управление, ставшее традиционной грамматической нормой для этого глагола, например: der Gedanke an etwas (мысль о чем-либо), die Freude über etwas (радость чему-либо), die Sorge für etwas (забота о чем-либо), die Beschäftigung mit etwas (занятие чем-либо), die Gewohnheit an etwas (привычка к чему-

либо); das Interesse für etwas (интерес к чему-либо) и другие.

В таком словообразовании оба существительных связаны между собой по способу управления, отношения же между ними атрибутивные.

2. Выбор предлога обусловлен не словообразовательными свойствами имени существительного — ведущего слова словосочетания, а смысловым заданием высказывания. Хотя предложная конструкция и здесь выступает определением ведущего слова словосочетания, однако она связана с ним по способу примыкания; так как форма падежа зависимого имени существительного зависит от предлога, а выбор предлога не зависит от управления ведущего слова. Примеры: das Mädchen mit den Blumen (девушка с цветами), der Junge aus der Freien Deutschen Jugend (юноша из Союза свободной немецкой молодежи), das Haus an der Ecke (дом на углу), die Blätter auf dem Baum (листья на дереве).

В каких функциях ни выступали бы предложные конструкции в предложении или в словосочетании, они дают возможность чрезвычайно расширить сферу падежной семантики, они обогащают падежную систему новыми возможностями выражения тончайших семантических оттенков отношения существительного к другим частям речи, оттенков, которые зачастую не могут быть выражены простыми, беспредложными падежными формами.

Таким образом, выбор того или иного падежа или той или иной предложной конструкции может объясняться тремя причинами:

1. Выбор падежа может объясняться свойством глагола требовать той или иной формы имени существительного для уточнения, дополнения или конкретизации своей семантики. Свойство это вытекает из самой семантики глагола. Встречной силой, взаимодействующей с этим глагольным управлением, является семантика падежной формы, тяготеющая к определенным типам глаголов. Здесь мы имеем семантически обусловленную грамматическую норму, требующую наличия той или иной падежной формы.

2. Выбор падежа и, главным образом, предложной конструкции не обусловлен ни лексико-грамматическими свойствами глагола, ни грамматической нормой данного языка, а обусловливается смысловым заданием предложения.

3. Выбор падежа и, главным образом, предложной конструкции не обусловлен ни семантикой глагола, ни семантикой падежа, а является лишь определенной грамматической нормой. Здесь мы сталкиваемся с грамматической необходимостью выбора той или иной формы.

Доцент И. И. Чернышева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МЕТОДИКИ РАБОТЫ НАД КОНЪЮНКТИВОМ В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Сослагательное (условное) наклонение, называемое в немецкой грамматике конъюнктивом, представляет собой в отношении грамматического оформления очень сложное явление. Как известно, наклонение это как в русском, так и в немецком языках служит для выражения действия, которое говорящий считает предполагаемым, возможным или желаемым [1]. Следовательно, оно выражает нереальность, предположение, желание и т. п. Однако, несмотря на общность функций сослагательного (условного) наклонения в русском языке и конъюнктива в немецком, усвоение последнего для изучающего немецкий язык представляет обычно значительные трудности.

Затруднения в овладении конъюнктивом частично связаны с большим формальным расхождением между русским сослагательным наклонением и немецким конъюнктивом. Благодаря богатству форм конъюнктива (шесть временных форм аналогично индикативу и две формы кондиционалиса), а также благодаря двойственному (модально-временному) характеру временных форм конъюнктива возникают большие трудности его употребления для изучающих немецкий язык.

В практике преподавания эта грамматическая форма зачастую дается в отрыве от аналогичного наклонения в родном языке. Особенности системы конъюнктива не раскрываются на фоне и при непосредственном анализе этой грамматической категории русского языка даже там, где это возможно.

Подача конъюнктива и кондиционалиса в наших грамматиках [2], а также и в некоторых трудах виднейших немецких грамматистов страдает большой пестротой и не всегда способствует образованию

---

[1] См. «Грамматика русского языка». Изд. Академии наук СССР, 1952, т. I, стр. 503.

[2] См. М. Е. Грабарь-Пассек и др. Грамматика немецкого языка для средней школы. Учпедгиз, 1939; Е. И. Шенделькс. Грамматика немецкого языка. Изд. литературы на иностранных языках, 1954; и др.

в сознании учащегося такой системы употребления конъюнктива, которая способствовала бы усвоению его форм.

Наконец, в употреблении конъюнктива в немецком языке есть такие вопросы, которые до последнего времени считаются дискуссионными. К таким проблемам относится, в частности, вопрос о модальности конъюнктива в косвенной речи. Нам представляется, что этот вопрос должен быть включен в практику преподавания сослагательного (условного) наклонения немецкого языка, иначе изучающий не сможет достаточно полно использовать иностранный язык, особенно при научно-исследовательской работе, например, при реферировании литературы по специальности и т. д.

В данной статье мы попытаемся в общих чертах дать схему прохождения конъюнктива, положив в основу принцип наибольшей наглядности употребления конъюнктива. При рассмотрении отдельных явлений конъюнктива мы будем там, где это возможно, проводить параллели с родным языком, что облегчит запоминание изучаемых форм.

Такое сравнение, как нам представляется, необходимо дать уже с самого начала при рассмотрении или прохождении образования конъюнктива в немецком языке. Необходимо фиксировать внимание учащихся на том, что образование сослагательного (условного) наклонения в русском языке значительно проще, нежели в немецком. По сути дела, образование сослагательного наклонения русского языка выражается сочетанием формы глагола в прошедшем времени с частицей *бы*. Частица *бы* способна отделяться от глагола и присоединяться к любому слову предложения. Так, частица *бы* легко объединяется с подчинительными союзами *что, если, когда, хотя* и частицей *хоть:* если бы, когда бы, хотя бы, хоть бы [1]. В отдельных случаях, например, в предложениях со значением пожелания, глагол вообще может отсутствовать, и функцию выражения сослагательного наклонения целиком выполняет частица *бы*. Сравни примеры, приведенные в «Грамматике русского языка»: *Еще бы тарелочку. Мне довольно бы и этой суммы* [2].

В немецком языке, в отличие от русского условного наклонения, конъюнктив выражается при помощи особой формы глагола. Глагол в конъюнктиве отличается от индикатива наличием в его составе грамматического суффикса *e*, который при объяснении образования конъюнктива необходимо графически выделить. Например:

Презенс

Единственное число

1-е л. mach-e	geb-e	fahr-e
2-е л. mach-e-st	geb-e-st	fahr-e-st
3-е л. mach-e	geb-e	fahr-e

[1] См. «Грамматика русского языка», т. I, стр. 503.
[2] См. там же, стр. 504.

Множественное число

1-е л.	mach-e-n	geb-e-n	fahr-e-n
2-е л.	mach-e -t	geb-e-t	fahr-e-t
3-е л.	mach-e-n	geb-e-n	fahr-e-n

Претерит (имперфект)

Единственное число

1-е л.	gäb-e	führ-e
2-е л.	gäb-e-st	führ-e-st
3-е л.	gäb-e	führ-e

Множественное число

1-е л.	gäb-e-n	führ-e-n
2-е л.	gäb-e-t	führ-e-t
3-е л.	gäb-e-n	führ-e-n

Футурум I

Единственное число

1-е л.	werd-e	geben	fahren
2-е л.	werd-e-st	„	„
3-е л.	werd-e	„	„

Множественное число

1-е л.	werd-e-n	geben	fahren
2-е л.	werd-e-t	„	„
3-е л.	werd-e-n	„	„

Примечание: Формы претерита (имперфекта) слабых глаголов полностью совпадают с формами претерита индикатива.

Конъюнктив имеет ту же систему временных форм, что и индикатив, т. е. презенс, претерит (имперфект), перфект, футурум I и II. Кроме этого, в систему конъюнктива входят две формы кондиционалиса (условная форма), кондиционалис I, синонимичный претериту конъюнктива, и кондиционалис II, синонимичный плюсквамперфекту. Однако от временных форм индикатива временные формы конъюнктива отличаются тем, что они лишь частично служат для выражения временных отношений. Их основная функция в конъюнктиве — выражение различных оттенков модальности, т. е. выражение неуверенности, предположения, сомнения, желания и т. п. Так, например, Es wäre interessant, diese Frage zu erörtern (Было бы интересно обсудить этот вопрос). Hätte ich doch mehr Zeit! (Если б у меня было больше времени!) В обоих предложениях употреблен претерит, однако здесь он не только не выражает действие в прошедшем времени, а, наоборот, оба предложения могут быть, смотря по контексту,

действительными как для настоящего времени, так и для будущего

В ряде случаев временные формы конъюнктива используются для выражения временных отношений (это будет показано ниже), однако их употребление в данной функции существенно отличается от аналогичных форм индикатива.

Одним из наиболее существенных вопросов для преподавателя является система, в которой учащийся изучает употребление конъюнктива. Существующие грамматики немецкого языка имеют в основном три схемы подачи материала по употреблению сослагательного (условного) наклонения.

Первая схема [1] строится на рассмотрении употребления конъюнктива по типам предложений, т. е. употребления конъюнктива в главном и придаточном предложениях. Соответственно этой схеме сначала классифицируются все те случаи употребления конъюнктива, которые встречаются в главных предложениях: конъюнктив для выражения выполнимого желания, встречающийся в лозунгах или торжественных высказываниях, конъюнктив для выражения косвенного приказания, конъюнктив для выражения долженствования и т. п. После этого рассматриваются случаи употребления конъюнктива в придаточных предложениях различных типов, как-то: условных, сравнительных целевых, предположений, в косвенной речи.

Вторая схема подачи конъюнктива [2] состоит в том, что здесь употребление этого наклонения дается на основе значения временных форм конъюнктива. Так, рассматривается семантика различных видов предложений, имеющих в своем составе презенс конъюнктива: исполнимое желание (лозунги), условие, допущение, предписание или приказ, альтернативное допущение в уступительных предложениях и т. п. Далее, на основе рассмотрения семантики претерита, плюсквамперфекта, кондиционалиса I и II дается характеристика предложений, выражающих неисполнимое или неисполненное желание, неисполнимое или неисполненное условие (а также следствие такого условия), неосуществимую или неосуществленную возможность, нереальное сравнение и др. Употребление конъюнктива в косвенной речи при данной схеме рассматривается отдельно.

Третья схема [3] подачи конъюнктива состоит в описании употребления конъюнктива по семантическому принципу. В данном случае все средства выражения модальности конъюнктива, т. е. те или иные формы глагола, те или иные модальные слова, союзы придаточных предложений (если это придаточные предложения), даются в связи с определенным семантическим типом конъюнк-

---

[1] Эту схему употребления конъюнктива мы встречаем, например, в учебнике Н. А. Бергман, М. Д. Натансон. Грамматика немецкого языка. Учпедгиз, 1954.

[2] Эта система конъюнктива представлена в работе Е. И. Шенделькс. Грамматика немецкого языка и др.

[3] Представлены во всех изданиях грамматики Гейзе-Лиона и др.

тива по тематическим циклам. К этим циклам относятся следующие:

1. Конъюнктив в предложениях, выражающих желание (Optativ).

2. Конъюнктив в условных предложениях (Konditionalis)

3. Конъюнктив в предложениях, выражающих возможность (Potentialis).

4. Конъюнктив в косвенной речи (Indirekte Rede.).

Этот третий вид подачи конъюнктива имеет, как нам представляется, известные преимущества перед двумя первыми, описанными выше. В конечном итоге, для изучающего немецкий язык важно знать, в каких случаях употребляется конъюнктив, а затем уже освоить технику его употребления. Более целесообразно концентрировать внимание учащегося на сферах применения конъюнктива, так как здесь изучающему язык не нужно отдельно запоминать, в каких случаях применяется та или другая временная форма конъюнктива (как это имеет место при втором способе), или отдельно запоминать, какие типы главных или придаточных предложений содержат конъюнктив (как при первом способе).

Тематическая подача конъюнктива способствует, следовательно, лучшему запоминанию важнейших случаев применения этого наклонения.

В целях лучшего употребления конъюнктива необходимо, как нам кажется, выделить основные семантические типы употребления конъюнктива, не распыляя внимания учащегося на менее типичные и менее употребительные из них. К таким наиболее существенным семантическим типам употребления конъюнктива можно отнести следующие:

1. Употребление конъюнктива для выражения нереального, т. е. неисполнимого или неисполненного желания.

2. Употребление конъюнктива для выражения нереального, т. е. неисполнимого или неисполненного условия.

3. Употребление конъюнктива для выражения нереального сравнения.

4. Употребление потенциального конъюнктива.

5. Употребление конъюнктива в некоторых видах уступительных предложений.

6. Употребление конъюнктива в косвенной речи.

Из всех перечисленных видов первый случай употребления конъюнктива наименее существенен. Однако дается он именно в такой последовательности, потому что рассмотрение конструкции предложений, выражающих нереальное желание, облегчает в дальнейшем усвоение нереальных условных предложений.

Для иллюстрации того, как наиболее эффективно, с нашей точки зрения, объяснять употребление конъюнктива в указанных выше случаях, приведем описание употребления его в предложениях, выражающих нереальное желание и нереальное условие.

После того, как объяснено и закреплено образование временных форм конъюнктива и кондиционалиса и в общих чертах указано на различие значения временных форм конъюнктива от индикатива, необходимо дать описание конструкции предложений, выражающих нереальное желание, т. е. объяснить, что они совпадают по форме с придаточными предложениями, с союзом wenn или (что очень редко) с союзом daß. Например, Wenn ich mehr Zeit hätte! Daß ich mehr Zeit hätte! (Если бы у меня было больше времени!)

Далее следует дать пояснение в отношении модального слова doch, которое обычно употребляется в предложениях данного вида для усиления. Например: Wenn ich doch dieses Buch im Original lesen könnte! (Если бы я могла прочесть эту книгу в оригинале!)

Однако самым важным при изучении предложений данного типа является объяснение употребления временных форм конъюнктива. Это объяснение нужно начинать с указания на различие в способе выражения аналогичных по значению предложений в русском и немецком языках. Разница здесь состоит в том, что в русском языке временная форма, выражающая как неисполнимое, так и неисполненное, т. е. нереальное желание, всегда одна и та же и для настоящего, и для будущего, и для прошедшего времени. Сравни, например, предложения: Если б у меня вчера (завтра, сегодня) было больше времени! В немецком же языке, если нереальное желание относится к будущему или настоящему времени (неисполнимое желание в настоящее время), то оно передается через имперфект конъюнктива. Если нереальное желание относится к прошедшему времени (неисполненное желание или желание, которое уже никогда не может быть исполнено), то оно передается через плюсквамперфект конъюнктива.

Полезно употребление временных форм конъюнктива в предложениях, выражающих нереальное желание, изобразить на доске графически примерно следующим образом.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНЪЮНКТИВА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕИСПОЛНИМОЕ ИЛИ НЕИСПОЛНЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Для желаний, неосуществимых в *настоящее* (или будущее) время: *имперфект* конъюнктива. Например:

1. Wenn ich doch *heute* (morgen) mehr *Zeit hätte!*

или:

2. *Hätte* ich doch *heute* (morgen) mehr Zeit!

(Если бы у меня *сегодня* (завтра) было больше времени!)

Для желаний, неосуществленных в *прошлом: плюсквамперфект* конъюнктива. Например:

1. Wenn ich doch *gestern* mehr Zeit *gehabt hätte!*

или:

2. *Hätte* ich doch *gestern* mehr Zeit *gehabt!*

(Если бы у меня *вчера* было больше времени!)

Для употребления конъюнктива в предложениях, выражающих неисполнимое или неисполненное условие, целесообразно дать также аналогичную схему или таблицу, тем более, что конструкция этих нереальных условных предложений и употребление временных форм конъюнктива совпадает с предложениями, выражающими нереальное желание.

Новыми по сравнению с рассмотренными выше предложениями являются предложения, выражающие следствие, вытекающее из нереального условия. Здесь, наряду с формами имперфекта и плюсквамперфекта конъюнктива, употребительны синонимичные им кондиционалис I и II. Употребление кондиционалиса в нереальных условных предложениях не типично и не рекомендуется также и в стилистическом отношении.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНЪЮНКТИВА В НЕРЕАЛЬНЫХ УСЛОВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕИСПОЛНИМОЕ ИЛИ НЕИСПОЛНЕННОЕ ЖЕЛАНИЕ (ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ) И В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ СЛЕДСТВИЕ ИЗ НЕРЕАЛЬНОГО УСЛОВИЯ (ГЛАВНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ)

Условие, неисполнимое в *настоящее* (будущее) время: *имперфект* конъюнктива и кондиционалис I. Например:	Условие, невыполненное в *прошлом: плюсквамперфект* конъюнктива и кондиционалис II. Например:
1. Wenn ich *jetzt* (morgen) mehr Zeit *hätte*, (so) *würde* ich viel *lesen* (läse ich viel).	1. Wenn ich im *vorigen Jahr* mehr Zeit *gehabt hätte*, (so) *hätte* ich viel *gelesen* (*würde* ich viel *gelesen haben*).
2. *Hätte* ich mehr Zeit, (so) *würde* ich viel *lesen* (läse ich viel).	2. *Hätte* ich *im vorigen Jahr* mehr Zeit *gehabt* (so) *hätte* ich viel *gelesen* (*würde* ich viel *gelesen haben*).
(Если бы у меня *сейчас* (завтра) было больше времени, (то) я много бы читал).	(Если бы у меня *в прошлом году* было больше времени, (то) я много бы читал (прочел).

Графическим способом можно наглядно показать также и употребление конъюнктива в предложениях, выражающих нереальное сравнение. Эти предложения, придаточные по своей форме, вводятся союзами als, als ob, als wenn.

В предложении с союзом als порядок слов отличен от предложений с союзами als ob и als wenn: глагол в этих предложениях стоит после союза als. В схеме мы их дадим под номером 2.

При нереальном сравнении имеет место совершенно иной критерий употребления временных форм конъюнктива, чем тот, который мы наблюдали в предложениях, выражающих нереальное условие или желание. Этим критерием является одновременность или неодновременность действия, обозначаемого главным и придаточным предложениями. В случае одновременности действия в нереальных сравнительных предложениях употребляется презенс или имперфект, в случае неодновременности (предшествования) действия в придаточном предложении употребляется перфект или же плюсквамперфект конъюнктива.

Наглядно это можно представить следующим образом.

УПОТРЕБЛЕНИЕ КОНЪЮНКТИВА В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ, ВЫРАЖАЮЩИХ НЕРЕАЛЬНОЕ СРАВНЕНИЕ.

Для одновременного действия: *презенс* или имперфект. Например:	Для неодновременности (предшествования) действия: перфект или плюсквамперфект. Например:
1. Er tut, als ob er nichts *bemerke* (bemerkte).	1. Er tut, als ob er nichts *bemerkt habe* (bemerkt hätte).
2. Er tut, als *bemerke* (bemerkte) er nichts.	2. Er tut, als *habe* (hätte) er *nichts* bemerkt.
(Он делает вид, как будто бы он ничего не замечает).	(Он делает вид, как будто бы он ничего не заметил).

Интересно отметить, что при нереальном сравнении формы имперфекта и плюсквамперфекта употребляются чаще. Вызывается это, с одной стороны, тем, что в ряде случаев имеет место совпадение форм индикатива и конъюнктива. С другой стороны, можно предположить, что иногда предпочтение претеритальным формам отдается и потому, что они могут выражать большую степень нереальности. В грамматиках немецкого языка в качестве причины выдвигаются также особенности местной речи.

Из семантических типов конъюнктива, которые были выдвинуты нами выше, целесообразно остановиться еще на одном, который представляет для изучающего немецкий язык большой интерес и содержит некоторые спорные моменты. Таким семантическим типом является употребление конъюнктива косвенной речи.

Косвенная речь, как известно, представляет собой воспроизведение содержания чужой речи. Ее отличие от прямой речи состоит в том, что она обычно вводится словами автора или рассказчика при помощи таких глаголов, как: «говорить», «сказать», «отве-

тить», «подтвердить», «подумать» и т. п. При передаче прямой речи через косвенную обычно выступает сложноподчиненное предложение, в котором главное предложение содержит введение к косвенной речи, а сама косвенная речь передается придаточным предложением. Сравни, например, одно и то же предложение в прямой и в косвенной речи:

Он сказал: «Я сейчас очень занят».
Он сказал, что он сейчас очень занят.

Или по-немецки:
Er sagte: «Ich bin jetzt sehr beschäftigt».
Er sagte, daß er jetzt sehr beschäftigt sei.

Однако наряду с теми общими чертами в оформлении косвенной речи, которые наблюдаются между русским и немецким языками (аналогичное построение сложноподчиненного предложения, где в главном предложении содержится вводящий глагол речи, а через подчинительное предложение передается косвенная речь с использованием одних и тех же подчинительных союзов), между оформлением косвенной речи в русском и немецком языках имеется и большое различие. Это — с одной стороны, конъюнктив, с другой, — бессоюзная форма придаточного предложения, являющаяся очень распространенным синонимичным вариантом союзного подчинительного предложения. Сравни, например, предложения:

Er sagte, daß er jetzt sehr beschäftigt sei.
Er sagte, er sei jetzt sehr beschäftigt.

В бессоюзных придаточных предложениях конъюнктив является основным средством подчинения. В подчинительных предложениях, вводимых при помощи союза, конъюнктив служит для передачи чужой речи.

Употребление временных форм конъюнктива в косвенной речи (по сравнению с прямой) нагляднее всего представить графическим путем:

Прямая речь (индикатив)	*Косвенная речь* (конъюнктив)
I. Презенс индикатива:	I. Презенс конъюнктива или имперфект, если формы индикатива и конъюнктива совпадают:
1. Er sagte: «Ich *habe* wenig Zeit» (он сказал: «У меня мало времени»).	1. Er sagte, daß er wenig Zeit *habe* (он сказал, что у него мало времени).
Er sagte, daß er wenig Zeit *habe* (он сказал, что у него мало времени).	
2. Sie sagten: «Wir *haben* wenig Zeit» (они сказали: «У нас мало времени»).	2. Sie sagten, daß sie wenig Zeit *hätten* (они сказали, что у них мало времени).

II. Имперфект индикатива. Перфект индикатива. Плюсквамперфект индикатива:		Перфект конъюнктива или плюсквамперфект в случае совпадения форм:
1. Er sagte:	«Ich *hatte* wenig Zeit «Ich *habe* wenig Zeit «Ich *hatte* wenig Zeit	gahabt»
(он сказал: «У меня мало времени»).		1. Er sagte, daß er wenig Zeit *gehabt habe* (он сказал, что у него мало времени).
2. Sie sagten:	«Wir *hatten* wenig Zeit «Wir *haben* wenig Zeit «Wir *hatten* wenig Zeit	gehabt»
(они сказали: «У нас было мало времени»).		2. Sie sagten, daß sie wenig Zeit *gehabt hätten* (они сказали, что у них было мало времени.)
III. Футурум I индикатива:		Футурум I конъюнктива или кондиционалис I, если формы совпадают:
1. Er sagte: «Ich *werde* wenig Zeit *haben*» (он сказал: «У меня будет мало времени»).		1. Er sagte, daß er wenig Zeit *haben werde* (он сказал, что у него будет мало времени).
2. Sie sagten: «Wir *werden* wenig Zeit *haben*» (они сказали: «У нас будет мало времени»).		2. Sie sagten, daß sie wenig Zeit *haben würden* (они сказали, что у них будет мало времени).

При рассмотрении семантики конъюнктива в косвенной речи в грамматиках немецкого языка и в специальной литературе мы находим несколько точек зрения. Одна из них, очень распространенная в нашей литературе последнего времени, сводит семантику конъюнктива в косвенной речи к формальной функции. Согласно этой точке зрения, конъюнктив является формальным признаком косвенной речи, он осуществляет синтаксическое оформление косвенной речи [1].

Другой подход к семантике конъюнктива в косвенной речи наблюдается в большинстве грамматик немецких лингвистов, таких, как Гейзе, Зюттерлин, Блатц и другие, а также в некоторых грамматиках немецкого языка, вышедших у нас [2], подчеркиваю-

[1] Сравни в этом плане освещение конъюнктива в косвенной речи в «Грамматике немецкого языка» Е. И. Шендельс; в статье Е. В. Гулыга «Конъюнктив как грамматическое средство выражения косвенной речи» (журнал «Иностранные языки в школе» № 2, 1950) и др.

[2] См. Н. Г. Гадд и Л. Я. Браве. Грамматика немецкого языка. Изд. литературы на иностранных языках, 1950.

щих модальное значение конъюнктива (выражение нереальности, неправдоподобности утверждения).

Третья точка зрения представлена Т. В. Строевой, формулирующей модальность конъюнктива в косвенной речи следующим образом: «Конъюнктив имеет здесь (т. е. в косвенной речи. — *И. Ч.*) определенное смысловое содержание: он отмечает и оформляет определенную синтаксическую категорию, а именно: передачу чужой речи» [1].

Несмотря на некоторую кажущуюся общность между первой и третьей точками зрения, между ними имеется очень существенное различие, которое состоит в следующем. Правильно подчеркивая функцию конъюнктива как оформителя косвенной речи в бессоюзных придаточных предложениях, сторонники первой точки зрения *полностью* исключают модальность конъюнктива в косвенной речи. Так, Е. В. Гулыга, рассматривая в историческом плане модальность конъюнктива, приходит к следующему выводу: «Последней ступенью (в развитии модального конъюнктива. — *И. Ч.*) является окончательное превращение модального конъюнктива в грамматическое средство выражения косвенной речи. Конъюнктив косвенной речи в современном немецком языке — качественно новое явление по сравнению с конъюнктивом в древневерхненемецком языке.

Совершенно неправильной, антидиалектической является поэтому характеристика конъюнктива косвенной речи как средства выражения модальности. Большинство советских учебников давно отказалось от этой устаревшей трактовки» [2].

Полностью обходит молчанием возможность модальности конъюнктива в косвенной речи Е. И. Шендельс в своей «Грамматике немецкого языка». По мнению автора, функция конъюнктива ограничивается лишь оформлением косвенной речи в бессоюзных придаточных предложениях: «Наличие конъюнктива особенно важно, если он, как в приведенных примерах (бессоюзные придаточные предложения. — *И. Ч.*), является единственным признаком косвенной речи...

Если имеется подчинительный союз и обычный порядок слов придаточного предложения, то конъюнктив не обязателен, хотя, как правило, он употребляется» [3].

С нашей точки зрения, правильно отразить специфику семантики конъюнктива в косвенной речи удалось Т. В. Строевой. Эта специфика состоит в том, что конъюнктив не является лишь чисто формальным признаком косвенной речи (этот случай наблюдается лишь в бессоюзных придаточных предложениях). Подчеркивание

---

[1] Т. В. Строева. К вопросу о модальности в германских языках (Косвенная речь в немецком языке). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. Ленинград, 1950, стр. 4.

[2] Е. В. Гулыга. Конъюнктив как грамматическое средство выражения косвенной речи («Иностранные языки в школе» № 2, 1950, стр. 15).

[3] Е. И. Шендельс. Грамматика немецкого языка, стр. 150.

конъюнктивом семантики «чужой речи», чужого высказывания может и не иметь дополнительного смыслового элемента (недоверие к данному высказыванию, нереальность высказываемой мысли и т. п.), а в определенном контексте может получать и эту дополнительную семантику. В этой связи интересно другое высказывание из цитируемой работы, которое приводится Т. В. Строевой в иной связи, но косвенно подтверждает наличие определенной модальности конъюнктива в косвенной речи.

«В письменной речи конъюнктив косвенной речи—господствующая форма, и тенденция употребления изъявительного наклонения в ней имеет место в основном в тех случаях, когда высказывание ведется от 1-го лица и когда, следовательно, нет по существу «чужой речи», то же мы видим и в тех случаях, когда, при формальном построении в 3-м лице передаваемое суждение совпадает по существу с мыслью повествующего. Так Энгельс, творчество которого было настолько тесно переплетено с творчеством Маркса, что и идеи Маркса были по существу его идеями, постоянно передает высказывания К. Маркса в изъявительном наклонении, как бы от себя» [1].

Конечно, нельзя не отметить того неоспоримого факта, что модальная функция конъюнктива (подчеркивание нереальности высказывания) в современный период развития немецкого языка ощущается в меньшей степени, нежели на более ранней ступени его развития, где модальность была основным содержанием этой формы. Однако процесс превращения модального конъюнктива в косвенной речи в формальный на современном этапе развития немецкого языка не закончен, утверждать это означало бы итти вопреки языковым фактам. Этим объясняется, в частности, также и тот факт, что конъюнктив особенно употребителен в заостренно полемических статьях, в статьях и работах публицистического жанра, так как передача речи политических противников здесь особенно четко подчеркивает передачу чужой речи и чужой мысли, которые опровергает или с которыми полемизирует автор.

---

[1] Т. В. Строева. К вопросу о модальности в германских языках, стр. 5.

И. П. Матусова

ГРАММАТИЧЕСКИЙ РАЗБОР КАК СРЕДСТВО РАСКРЫТИЯ СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

Грамматический разбор является одним из важнейших средств изучения грамматического строя языка, осознания и закрепления его форм.

Ценность и значение грамматического разбора особенно велики во взрослой аудитории и тем более при работе с аспирантами, у которых анализ является основным методом всей их работы.

Грамматический разбор как упражнение широко принят при изучении родного и иностранного языков.

Роль грамматического разбора, используемого для изучения и закрепления грамматических форм, а также для изучения индуктивным методом новых грамматических форм, является одинаковой как при изучении родного, так и при изучении иностранного языка [1].

Однако в иностранном языке грамматический разбор имеет еще и другую, чрезвычайно важную функцию. Он является одним из основных приемов и средств для выяснения содержания читаемого.

Такой разбор называется в методической литературе анализом непонятого текста или допереводным анализом [2].

Этот разбор как по целеустановке, так и по способу проведения отличается от грамматического разбора понятого текста.

Обоснование такого разбора дано виднейшим советским методистом, академиком Щерба. Академик Щерба первый сформулировал положение о том, что смысл иностранного предложения

---

[1] См. В. М. Блинов. О системе грамматического разбора в школе («Иностранные языки в школе», 1951, № 4), Н. К. Жукова. О грамматическом разборе на уроках французского языка в средней школе («Иностранные языки в школе», 1953, № 1), В. С. Цетлин. Грамматический разбор при обучении французскому языку («Иностранные языки в школе», 1951, № 2).

[2] См. В. С. Цетлин. Грамматический разбор при обучении иностранному языку в средней школе (Методический сборник «В помощь учителю иностранного языка в средней школе». Учпедгиз, 1952, стр. 89).

является заданным, т. е. искомым, а данной является его форма, т. е. грамматическая структура.

Овладение таким грамматическим разбором предусматривает умение определять, пользуясь знанием грамматики, синтаксическую функцию тех или иных элементов предложения, независимо от того, является ли известным их лексическое значение.

«Отличительная черта грамматики, — писал И. В. Сталин, — состоит в том, что ...абстрагируясь от частного и конкретного, как в словах, так и в предложениях, грамматика берет то общее, что́ лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях» [1].

А раз можно абстрагироваться от частного и конкретного, иначе говоря от лексического значения, следовательно, то общее, что лежит в основе изменений слов и сочетаний слов в предложениях, можно выявлять также при наличии нескольких неясных лексических единиц.

Доказательством возможности такого анализа является также наш собственный опыт. Если нам попадается в родном или хорошо знакомом иностранном языке незнакомое слово, то у нас обычно не возникает сомнений ни в том, какая это часть речи, ни в функции этого слова в предложении.

Если сказать: «Система эвристической методики состоит в задавании ряда наводящих вопросов», то ни у кого из незнающих значения слова «эвристический» не возникает сомнения, какой частью речи является слово «эвристический» и какова его функция в предложении.

Изучающие иностранный язык в каких-то пределах постоянно пользуются таким анализом.

Рассмотрим это на простейшем примере.

Если в предложении Er hat eine interessante Frage aufgeworfen нашим учащимся незнакомо значение последнего слова, то тем не менее они безусловно умеют определить, что это Partizip II сильного глагола с отделяемой приставкой и что наличие этого Partizip в конце предложения в сочетании со спрягаемой формой глагола haben говорит о Perfekt этого незнакомого глагола, а следовательно, о том, что глагол haben в данном примере является вспомогательным.

Анализ непонятого текста, как уже говорилось, опирается на твердое знание грамматики; он возможен только тогда, когда эти знания находятся в состоянии «боевой готовности», когда память может воспроизвести все потенциальные значения данной формы или конструкции и все признаки, дающие возможность установить, какое значение следует выбрать в данном случае.

Знание грамматики, строевых элементов языка, пунктуации и словообразования является незаменимым орудием, как бы путеводителем, при переводе сложного научного текста.

---

[1] И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания. Госполитиздат, 1952, стр. 24.

Например, встречая предложения с глаголом на первом месте (на немецком языке), нужно уметь сразу вспомнить, что такая конструкция возможна в трех случаях: 1) в вопросительном предложении, 2) в повелительном предложении и 3) при опущении союза wenn (если), а также вспомнить признаки, присущие каждому из этих случаев, а именно, что внешним признаком вопросительного предложения будет знак вопроса в конце его, внешним признаком повелительного предложения будет знак восклицательный, спецификой бессоюзного придаточного предложения будет наличие главного предложения, следующего за бессоюзным придаточным и начинающегося с глагола или коррелата so или dann.

Встретив, например, предложение Ist die Arbeit fertig, so kann man eine andere beginnen (если работа закончена, то можно начинать другую), следует рассуждать так. Глагол-связка ist на первом месте невозможна у повелительного предложения. Следовательно, мы имеем дело либо с вопросительным предложением, либо с сокращенным условным предложением. Отсутствие вопросительного знака и наличие коррелата so убеждают в том, что здесь имеется сокращенное условное предложение, перевод которого на русский язык следует начинать с союза «если».

Разбор непонятого текста является специфическим видом работы, и к нему неприменимо то деление, которое применяется в отношении разбора понятого текста, т. е. деление на синтаксический и морфологический, на полный и частичный.

Этот разбор для немецкого языка всегда будет синтактико-морфологическим, т. е. будет опираться на морфологические формы, служащие ориентирами для выявления синтаксических отношений. Поскольку анализ непонятого текста служит для выявления содержания, а это чаще всего на первой стадии изучения языка осуществляется путем перевода на родной язык, то, как нам кажется, систему анализа непонятого текста возможно создавать для любой пары языков, иностранного и родного, в плане сопоставительной грамматики; этот анализ должен учитывать специфику обоих языков.

Всякие попытки создания единой универсальной системы анализа непонятого текста для многих языков так же нереальны, как создание единой грамматики.

Основная трудность такого разбора состоит в выявлении конкретных, контекстуальных значений многозначных, многофункциональных и омонимичных форм, которые имеются в каждом языке. Опорой при таком анализе служит твердое знание строевых элементов языка, пунктуации и словообразования, которое дает возможность определить, какой частью речи является та или иная, пусть неизвестная, лексическая единица.

Основным материалом для анализа при изучении языка взрослыми служит язык научной литературы. Как известно, особенностью языка научной прозы является ясность, отсутствие нарушений синтаксических норм (к чему часто прибегают авторы художественных произведений с целью усиления воздействия),

отсутствие эллипсов. С другой стороны, ее особенностью являются очень сложные по конструкции (в особенности в немецком языке) предложения, некоторые формы которых почти не используются в разговорной речи.

При анализе непонятого текста мы далеко не всегда можем определить функцию отдельного словосочетания, например, предложной группы или придаточного предложения, то самый факт наличия предложной группы или придаточного предложения можем установить всегда, а для первичной ориентировки, т. е. для получения дословного перевода, этого вполне достаточно.

Анализ должен всегда сопровождаться детальным комментарием в пользу той или иной гипотезы.

Проведение анализа следует всегда связывать с напоминанием о правилах перевода тех или иных конструкций (обычные эквиваленты). Опровержение неправильного перевода анализом является обычно очень убедительным. Анализировать следует только сложные предложения, когда преподаватель может предположить затруднения при переводе, а также уже переведенные предложения, где имеется ошибка в переводе у одного или нескольких учащихся.

Отыскивание незнакомых слов в словаре должно производиться после первичного анализа, после установления того, какой частью речи является данное слово и какова его словарная форма. При пренебрежении этим правилом очень часто возникают казусы. Так, например, если при переводе предложения Ehe er den Satz zu Ende gesprochen hatte, ging das Licht aus (прежде чем он договорил предложение, свет погас) искать ehe, то первое, что встретится в словаре, будет существительное die Ehe, означающее «брак»; если же присмотреться к структуре предложения, то становится ясным, что первая его часть является придаточным предложением, а следовательно, и ehe непременно является союзом, и найдя его значение «прежде чем», легко перевести все предложение.

Наметим основные линии анализа непонятого текста на материале немецкого языка.

Основной единицей допереводного анализа является предложение. При анализе непонятого немецкого предложения следует опираться прежде всего на основные особенности немецкого языка: двухсоставность немецкого предложения, глагольность немецкого предложения, жесткий порядок слов, в частности рамочную конструкцию.

При анализе сложного немецкого предложения мы предлагаем в качестве основных частей сложного предложения, наряду с главными и придаточными предложениями, выделять также инфинитивные и причастные группы.

На каком основании мы считаем возможным в виде основных элементов выделять инфинитивные и причастные группы?

Такое выделение кажется нам правомерным по следующим соображениям:

1) И та и другая группа имеет очень четкое структурное оформление, заключающееся:

а) в наличии ведущего элемента,

б) в совершенно определенном месте ведущего элемента,

в) в зависимости всех остальных элементов этой группы от ведущего элемента,

г) в выделении такой группы запятой.

2) Можно указать определенное правило о порядке перевода такой группы на русский язык; этот перевод, часто требующий дальнейшей стилистической правки, будет однако всегда приемлемым, т. е. дающим представление о содержании.

Так, в отношении инфинитивной группы можно указать правило, что перевод ее следует начинать с самого инфинитива, который обычно и по-русски переводится неопределенным наклонением и лишь изредка отглагольным существительным, например: Die Streikenden sind jedenfalls entschlossen, ihre Forderungen durchzusetzen. Вся группа слов после запятой определяется как инфинитивная, поскольку, во-первых, до запятой мы имеем полное предложение (sind ... entschlossen—сказуемое, die Streikenden — подлежащее) и, во-вторых, эта группа заканчивается инфинитивом с частицей zu. Следовательно, нужно переводить: «Бастующие во всяком случае полны решимости добиваться осуществления своих требований».

К тому же долголетний опыт показал, что другие виды обособлений не являются характерными для научно-политического текста.

Таким образом, первоначальное деление непонятого предложения представляется нам, как разбивка его на следующие части:

1) главное предложение (одно или несколько);

2) придаточное предложение (одно или несколько);

3) инфинитивная группа (одна или несколько);

4) причастная группа.

Для безошибочного выделения подобных элементов необходимо иметь четкое представление о структуре каждого из них.

Характерными признаками главного предложения (простого распространенного предложения) являются:

а) наличие подлежащего и сказуемого;

б) личная форма сказуемого занимает второе место в предложении;

в) вторая неспрягаемая часть сказуемого находится на последнем месте.

Характерными признаками придаточного предложения являются:

1) наличие союза или союзного слова;

2) наличие подлежащего и сказуемого;

3) спрягаемая часть сказуемого находится на последнем месте;

4) все предложение выделено запятыми.

Инфинитивной группой мы называем любую обособленную инфинитивную группу; инфинитивным оборотом — инфинитивную

группу, имеющую обрамление в виде um ... zu, ohne ... zu или statt ... zu. Характерными признаками инфинитивной группы или оборота являются:

1) отсутствие союза;
2) отсутствие подлежащего;
3) отсутствие личной формы глагола;
4) выделение запятой;
5) инфинитив с zu находится на последнем месте.

Характерными признаками партиципальной группы являются:

1) выделение запятыми;
2) отсутствие союза;
3) отсутствие подлежащего;
4) отсутствие личной формы глагола;
5) наличие партиципа в краткой форме в начале или в конце группы.

Образец анализа:

Возьмем предложение: Wie uns Volkskorrespondent Kublank mitteilt, überprüfen die Genossenschaftsbauern täglich ihre Felder, um rechtzeitig mit der Aussaat zu beginnen.

Данное предложение начинается с придаточного (до первой запятой). Его признаки: 1) начинается с союзного слова wie, 2) глагол в личной форме mitteilt стоит на конце. После запятой предложение начинается с личной формы глагола überprüfen, как и должно начинаться главное предложение, идущее после придаточного. Наконец, после второй запятой идет инфинитивный оборот, обрамленный союзом um... zu.

Для того, чтобы уметь выделить такие части сложного предложения, необходимо уметь четко разбирать простое распространенное предложение. Внутри такого предложения необходимо выявить сказуемое в первую очередь, затем подлежащее, которое почти всегда можно определить с достоверностью. В остальном выявляются только группы существительных и их определения.

Преподавателю не следует жалеть времени, чтобы научить делать подробный разбор предложения. Изучающий иностранный язык должен четко знать, какими частями речи могут быть выражены главные члены предложения, в частности учащийся должен знать, что man, ich, du, er, wir, wer непременно являются подлежащим.

Очень детально следует разобрать все способы выражения сказуемого.

Опыт показывает, что при систематической работе анализ приучает к такому быстрому охвату структуры предложения, который становится переходным этапом к достижению основной цели изучения языка, т. е. к беспереводному пониманию иностранного текста.

Е. А. Уткина

К ВОПРОСУ О КОНВЕРСИИ

Вопрос о конверсии, т. е. о переходе одной части речи в другую, является теоретически спорным вопросом. Существуют две точки зрения на это явление. Одна точка зрения, которой придерживаются некоторые зарубежные лингвисты, заключается в том, что одно слово якобы может выполнять разные грамматические функции (превратиться в существительное, в глагол и т. п.). Несостоятельность этой точки зрения в том, что ее сторонники рассматривают отдельное слово изолированно, не принимая во внимание парадигму данного слова.

Советские языковеды понимают слово как языковую единицу, обладающую в совокупности многими признаками. Они изучают не отдельную грамматическую форму, а всю парадигму данного слова и доказывают, что парадигма слова является также словообразовательным средством.

В данной статье рассматривается вопрос о так называемой конверсии, как одном из способов словообразования, вернее, словопроизводства без аффиксации, и о методике распознавания смысла слов одинаковых по форме, но совершенно разных по значению, принадлежащих к разным частям речи.

Данная статья не ставит своей задачей ни всестороннего исследования явления конверсии, ни описания ее исторических корней и причин развития ее в структуре английского языка. Автор ставит целью лишь ознакомление с сущностью этого теоретически мало освещенного вопроса и пытается сделать некоторые практические выводы в отношении методики раскрытия содержания английских предложений, содержащих одинаковые по форме, но разные по значению слова.

В связи с этим необходимо учесть то новое, что внесли советские языковеды в понятие «конверсия», предварительно ознакомившись с тем, как трактуют явление конверсии некоторые зарубежные лингвисты.

Английский лингвист Генри Суит пользовался термином «конверсия» еще в 1892 г. в своей книге «Новая английская грамматика» [1], назвав так процесс перехода слова из одной грамматической категории в другую, сводя к одному понятию «функционального перехода» различные явления, известные в современной грамматике, как образование существительных, прилагательных и глаголов от имен существительных и прилагательных без словообразующих аффиксов (с нулевыми аффиксами).

В своей другой книге «Краткая историческая грамматика английского языка» [2], рассматривая вопрос об ударении, Г. Суит пишет: «Когда одно и то же слово употребляется и как имя существительное и как глагол, оно сохраняет ударение на конце, когда применяется как глагол, в то время как соответствующая форма имени существительного или имени прилагательного принимает ударение на первом слоге». Приводя таблицу таких одинаковых, по его мнению, слов, но проставив переходящее ударение, Суит делает примечание, что в некоторых случаях формы существительного и прилагательного сохраняют такое же ударение, как глагол, например, cemènt (цемент, цементировать, цементный).

По этим высказываниям мы убеждаемся, что Суит не рассматривает конверсию, как способ словообразования, а как применение одного и того же слова в разных грамматических функциях.

Другой английский грамматист Дж. Несфилд назвал одну из глав в 4-м томе своей английской грамматики следующим образом: «Одно и то же слово, применяемое как различные части речи» [3] и привел в числе прочих примеров несколько предложений, включающих слово needs: The earth is very dry and needs rain (земля очень суха и нуждается в дожде) и Our needs or wants are few (наши нужды или потребности немногочисленны).

Французский лингвист Ж. Вандриес в своей книге «Язык» [4] пишет, что большинство английских существительных может быть употреблено и как глаголы. Вандриес делает вывод, что в английском языке якобы наблюдается стремление к тому, чтобы любое существительное могло быть использовано как глагол.

Другие зарубежные лингвисты также трактуют конверсию, как «функциональное изменение» (functional change), т. е. как способность одного слова выполнять функцию различных частей речи. Из более новых работ можно упомянуть книгу Джеггера [5], где автор утверждает, что в языках, утративших флексии, характер слов-основ якобы изменился, т. е. стерлись формальные признаки частей речи, и слова приобрели свойство изменять свою функ-

---

[1] Henry, Sweet. A New English Grammar. Oxford, 1892.

[2] Henry, Sweet. Short Historical English Grammar. Oxford, 1892, pp. 69—70.

[3] J. Nesfield. English Grammar Series. Book IV, Chapter XI. London, 1918, p. 130.

[4] Ж. Вандриес. Язык. Соцэкгиз, 1937, стр. 118.

[5] J. H. Jagger. English in the Future. London, Thomas Nelson and Sons, Ltd. 1945.

цию в зависимости от своего положения в предложении. Приводя в качестве примеров английские слова, не имеющие внешних, морфологических признаков частей речи, Джеггер ссылается также на китайский язык, где все слова неизменны и где, по его мнению, отсутствует классификация по частям речи, и любое слово меняет свою функцию в зависимости от контекста. Ссылка на китайский язык неубедительна, так как мнение об отсутствии частей речи в китайском языке опровергается в работах современных синологов.

Трактовка зарубежными лингвистами конверсии, как изменения функции одного и того же слова, не удовлетворяет нас потому, что она игнорирует языковую материальную сторону слова.

Так, и Несфилд, и Джеггер игнорируют тот важный языковой момент, что слово образует единство лексических и грамматических значений. Это единство обнаруживается в системе морфологических и синтаксических особенностей, проявляющихся в употреблении данного слова. Факт совпадения одной из форм этого слова с какой-либо формой другого слова из другого лексико-грамматического разряда не может рассматриваться как доказательство идентичности этих слов. Если взять, например, слово «печь», то в нашем сознании возникает два представления, а именно «печь» как предмет, отличный от других подобных предметов (очаг, плита, камин), и «печь» как обозначение действия, отличного от других (испечь, жарить, варить). Несмотря на внешнее сходство, мы, несомненно, имеем здесь дело с двумя словами, родственными между собой по корню и одинаковыми по форме именительного и винительного падежа единственного числа имени существительного и неопределенного наклонения глагола. Значение таких омоформ уточняется только при учете парадигм сопоставляемых слов: *печь, печи, печей, печам, о печах* или: *печешь, печем, печете* и т. д., то-есть тех грамматических изменений, которым подвергается слово, вступая во взаимосвязь с другими словами. В русском языке встречаются случаи совпадения форм слов в падежах имен существительных и в повелительном наклонении глаголов, например: «в отдалении мы услышали собачий *лай*» (винительный падеж единственного числа), «*лай* (именительный падеж) становился все громче» и тождественное по форме имени существительному повелительное наклонение глагола в примере: «*лай* не *лай*, а хвостом виляй» (А. П. Чехов). В данных примерах имя существительное «лай» и глагол «лаять» имеют общий корень. Возьмем примеры, где одинаково звучащие слова не восходят к общему корню и являются обычными омонимами, например: «в парке росли березы и *ели*» и «нескоро *ели* предки наши...», или слово «уж»—змея и «уж»—частица (я уж не приду).

В недавно изданных в СССР учебниках английского языка, например, в учебнике В. Г. Гундризер, М. А. Данциг и А. С. Ланда (Москва, 1949 г.) и в словарях приводились объяснения, что одно и то же английское слово, например, plan может выступать в значении различных частей речи: our plan (наш план), we plan

(мы планируем); или part—имя существительное—часть, например, this part of speech (эта часть речи); part—глагол—расставаться, например, they seldom meet but part good friends (они редко встречаются, но расстаются добрыми друзьями); part—имя прилагательное—частичный—part time working day (неполный рабочий день, день частичной работы) и т. п.

Советские языковеды изучают слово во всей совокупности его форм и функций, отрицая возможность его перехода из одной части речи в другую.

Профессор А. И. Смирницкий, детально исследовавший вопрос о конверсии, утверждал, что в этом явлении, свойственном английскому языку, следует рассматривать не одно и то же слово, выполняющее функцию разных частей речи, а несколько разных слов с нулевыми аффиксами. Он утверждал, что отсутствие какого-либо грамматического форманта у слова совсем не означает, что данное слово является грамматически не оформленным. Так, например, неизменяемость наречия «дома» грамматически отличает его, как законченное целое слово определенного класса, от изменяемого слова другого класса «дом, дома, дому»... и тем самым грамматически его оформляет [1].

Определение грамматической оформленности, по мнению автора, означает, что нужно учитывать не только изменяемость слова, но и его грамматическую сочетаемость с другими словами. Действительно, было бы нелепым сказать, что слово «печь» может одновременно и склоняться по падежам и изменяться по лицам. Два типа грамматической сочетаемости внешне одинаковых слов «печь» — предмет и «печь» — действие дают нам право утверждать, что перед нами два разных по значению слова со свойственными им парадигмами.

В своих двух последних опубликованных работах [2] проф. А. И. Смирницкий критикует принятую в словарях и в учебниках трактовку конверсии, как явления, где одно и то же слово выступает в виде разных частей речи.

Рассматривая ряд примеров типа love (любовь) — существительное и love (любить) — глагол, А. И. Смирницкий доказывает, что в таких одинаковых по форме словах мы в действительности должны распознавать два разных по своему значению и по своей грамматической функции слова. А. И. Смирницкий отмечает следующие особенности конверсии: «Характерным признаком конверсии является то, что соотносящиеся по конверсии слова не различаются какими-либо словообразовательными аффиксами (ср. love—существительное и love — глагол и т. п.)». Далее проф. Смирницкий показывает, как подобные слова отличаются своими парадиг-

---

[1] См. «Вопросы языкознания» № 6, 1954, стр. 152 («Памяти профессора А. И. Смирницкого»).

[2] А. И. Смирницкий. Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке («Иностранные языки в школе» № 5, 1953, стр. 21); А. И. Смирницкий. По поводу конверсии в английском языке («Иностранные языки в школе» № 3, 1954, стр. 12).

мами, т. е. системой их грамматических изменений, и заключает: «Парадигма каждого данного слова выполняет и лексическую функцию: она... выступает как словообразовательное средство».

На основании вышесказанного проф. А. И. Смирницкий приходит к определению конверсии: «Конверсия есть такой вид словообразования (словопроизводства), при котором словообразовательным средством служит только сама парадигма слова».

Совпадение звучания в таких словах, как вышеприведенные love — любовь и love — любить, или в других, например: pencil — карандаш — существительное, pencil — рисовать — глагол, paper — бумага — существительное, paper — оклеивать обоями — глагол, А. И. Смирницкий рассматривает как явление омонимии, наблюдающееся также и в отношении слов, связанных между собой по корню.

Очень интересные мысли о конверсии высказывает доцент К. А. Левковская [1].

К. А. Левковская относит образование слов посредством конверсии к морфологическому типу словообразования и приводит несколько примеров из русского и немецкого языков. Отмечая, что при конверсии словообразующая роль выполняется словоизменительными средствами, т. е. системой личных окончаний глаголов или падежных окончаний имен существительных или прилагательных, К. А. Левковская анализирует глаголы «зеленеть» и «краснеть», образованные от основ прилагательных «зеленый» и «красный». Основы *зелен-* и *красн-* имен прилагательных теряют окончания, свойственные системе склонения прилагательных: зелен-ый, зелен-ого, зелен-ому и т. д. и включаются в парадигму глагола без применения других словообразовательных средств, например, зелен-еет, зелен-еют. Из немецкого языка К. А. Левковская приводит в качестве примеров слова — Schnitt, Lauf, Besuch, образованные посредством конверсии от основ глаголов, а именно, Schnitt (разрез) от основы прошедшего времени глагола schneiden, schnitt (резать, резал), Lauf (бег) и Besuch (посещение) от основ настоящего времени глаголов laufen (бежать) и besuchen (посещать).

Такие научно-обоснованные и доказанные на практических примерах выводы помогут преподавателям английского языка правильно трактовать явление конверсии, как один из типов словообразования, отбрасывая старые установки зарубежной лингвистики и сохранившиеся еще в наших учебниках ошибочные воззрения о переходности частей речи. К сожалению, в нашей методической литературе еще не изжиты ненаучные взгляды, перешедшие к нам по традиции из старых работ зарубежных языковедов.

Так, в статье И. К. Дыбовской [2] мы читаем: «Вопрос об отнесении того или иного слова к соответствующей части речи представ-

---

[1] К. А. Левковская. Словообразование. Изд. Московского Университета, 1954, стр. 20.

[2] И. К. Дыбовская. О категории имени числительного во французском языке («Иностранные языки в школе» № 6, 1954, стр. 3).

ляет порой большие трудности во всех языках уже хотя бы потому, что, выполняя отдельные функции в предложении, некоторые слова оказываются способными переходить из одной части речи в другую».

В современных учебниках английского языка делается попытка ввести понятие «конверсия» на основе новейших научных данных, однако составители ограничиваются лишь краткими замечаниями. Так, в учебнике английского языка для I курса педагогических институтов и факультетов иностранных языков под редакцией проф. И. Р. Гальперина [1] сказано: «Конверсия — это средство словопроизводства, при котором одна и та же форма слова употребляется в качестве разных частей речи без прибавления каких-либо словообразовательных элементов». Для пояснения этой теоретической формулировки приведено лишь одно слово без контекста: to work (работать) — глагол, work (работа) — существительное. В ссылке на этой же странице обещаны подробные сведения о конверсии в уроке 9-м, но в указанном уроке читатель вообще ничего не находит по данному вопросу. Краткое замечание имеется еще только в § 2 лексического комментария к уроку 8-му [2] при объяснении слов experience, n (опыт), experience, v (испытывать), где сказано, что «конверсия — весьма продуктивный для современного английского языка способ словообразования». К сожалению, составители теоретической части учебника нигде не дают подробного его объяснения.

В недавно вышедшей грамматике английского языка Л. П. Винокуровой [1] конверсии посвящен § 8 в главе об основных типах словообразования в английском языке. Автор кратко излагает сущность конверсии, дает ряд примеров в контексте и вне контекста и упражнение на узнавание отыменных глаголов, не отличающихся по форме от имен существительных. Поскольку эта грамматика рассчитана на то, чтобы служить методическим пособием для учителей, мы полагаем, что автору следовало бы более подробно описать этот тип словообразования и дать большее число примеров.

Какие выводы можно сделать по поводу конверсии как словообразовательного средства в отношении методики преподавания английского языка? Мы полагаем, что правильная установка, даваемая учащимся при работе над словообразованием, т. е. трактовка слов, соотносящихся по конверсии, как слов, разных по значению, поможет им в дальнейшем правильно ориентироваться при самостоятельной работе над текстом. Предложения, содержащие такие слова, встречаются часто в современном английском языке и представляют некоторые трудности для учащихся. На первой стадии работы в аудитории в центре внимания будет не разно-

---

[1] И. Р. Гальперин и др. Учебник английского языка. Изд. литературы на иностранных языках, 1953, стр. 169.

[2] Там же, стр. 205.

[3] Л. П. Винокурова. Грамматика английского языка. Пособие для учителей средней школы. Учпедгиз, 1954, стр. 19—20.

образие семантических соотношений слов, связанных между собой по конверсии, но, главным образом, грамматическое отношение этих слов, когда они поступают в распоряжение грамматики. Сначала можно разобрать два примера, не вызывающие особых трудностей у учащихся, но концентрирующие их внимание на том, что здесь они имеют дело не с одним и тем же словом, как может показаться по его одинаковому написанию и звучанию, а с двумя словами разного значения, но имеющими общую основу.

1. The Great October Socialist Revolution *split* the world into two systems.

2. It is clear that the *split* in the working-class movement, the existence in it of bourgeois agents, weakened the working class.

В первом примере совершенно очевидно, что по месту в предложении только слово split может обозначать действие (глагол), хотя оно не имеет никакого словоизменяющего аффиса (-s, -ed). Грамматическое значение его легко выявляется по синтаксической связи с другими словами, т. е. по правилу нахождения сказуемого в утвердительном предложении после группы подлежащего.

Во втором примере перед словом split стоит определенный артикль the, что позволяет по этому явному признаку отнести данное слово к категории имен существительных.

Переводим предложения:

1. «Великая Октябрьская социалистическая революция расколола мир на две системы».

2. «Ясно, что раскол в рабочем движении, наличие в нем буржуазных агентов ослабляли рабочий класс».

Сопоставляя оба примера, следует объяснить учащимся, что в них мы имеем два слова (split [1], split [2]), находящиеся в таком же взаимоотношении, как русские два слова — глагол прошедшего времени, единственного числа, женского рода «расколола» и имя существительное «раскол». Различие заключается в том, что в русском языке существует определенный суффикс глагола, который мы находим и у глагола «расколола»; в английском языке такого суффикса в данном нестандартном глаголе нет. При совпадении звучания мы наблюдаем различие смысла (лексическое различие) такое же, как и в русском языке.

В следующем предложении признаки группы подлежащего и сказуемого для изучающего язык выступают не так отчетливо:

The Soviet points on banning the atom bomb give one more proof that the USSR in its efforts for peace is prepared to guarantee real control.

У учащихся, знакомых с глаголом to point (out, at) (указывать), наблюдается тенденция понять слово points как глагол настоящего времени, третьего лица, единственного числа, приняв первое слово the Soviet за подлежащее. Преподаватель должен объяснить, что слова — point — существительное и point — глагол, являются словами, соотносящимися по конверсии, так же как русские слова «сечь» — существительное, например: «Запо-

рожская *сечь»* и сечь — глагол, например: «Лес *сечь* — не жалеть плеч» (русская пословица). В русском языке нет созвучности между формой настоящего времени данного глагола в третьем лице единственного числа и множественным числом этого имени существительного, а в английском такая созвучность имеется, например: the points of interrogation (вопросительные знаки), she points out this fact (она указывает на этот факт). Возвращаясь к изучаемому тексту, надо обратить внимание учащегося на глагол give, т. е. на сказуемое главного предложения, тогда слова the Soviet points легко переводятся как группа подлежащего: «Советские пункты (т. е. пункты Советского предложения) о запрещении атомной бомбы дают еще одно доказательство того, что СССР в своем стремлении к миру готов гарантировать действительный контроль».

Рассмотрим еще один пример, где отсутствуют явные признаки подлежащего и сказуемого.

To expand productive resources on such a scale that the capacity of the people to use and consume goods will be the only limit to their production needs that heavy industry be expanded even more rapidly than the consumer goods industry.

Сравним с ним следующее предложение:

The basic economic law of socialism tells about securing the maximum satisfaction of constantly rising material and cultural needs of the whole of society ...

В данных предложениях следует обратить внимание на раскрытие реального значения одинаковых по внешней форме слов needs [1] и needs [2] как в первом, так и во втором примере.

Первое предложение начинается инфинитивным оборотом to expand productive resources on such a scale ..., после чего идет придаточное предложение с явными признаками сказуемого в виде глагола связки в будущем времени will be и его именной части the only limit. Немного дальше, со слова that, начинается второе придаточное предложение со сказуемым в сослагательном наклонении that heavy industry be expanded. Разделив таким образом предложение, ставим перед учащимися цель отыскания сказуемого главного предложения. Попытка перевода сначала приводит к следующему: «Расширить производственные возможности в таком масштабе, что способность народа использовать и потреблять товары будет единственным пределом их производственным нуждам...», т. е. приводит к абсурду в смысловом отношении, не говоря уже о том, что такая попытка перевода не дает возможности присоединить заключительное придаточное предложение. Следовательно, к слову needs надо подойти иначе, а именно как к глаголу настоящего времени, единственного числа, 3-его лица. Тогда получаем дословный перевод: «Для того, чтобы расширить производственные возможности в таком масштабе, что способность народа использовать и потреблять товары будет единственной границей их производства, требуется, чтобы тяжелая промышленность раз-

вивалась даже еще быстрее, чем промышленность потребительских товаров».

Во втором примере тождественное по форме слово needs следует рассматривать как существительное, и пример переводится так: «Основной экономический закон социализма говорит об обеспечении максимального удовлетворения постоянно растущих материальных и культурных потребностей всего общества».

Разберем еще пример, в котором неподготовленному к анализу учащемуся может показаться, что одни и те же слова употребляются в предложении дважды:

«Mister Grahl *demands* an immediate cease-fire in Kenya, the release of all patriots and the recognition of the Kenya people's national *demands* and their right to *own* their *own* land» («Labour Monthly», 1954, October, pp. 474—475).

Помимо общего существенного признака, позволяющего выделять члены предложения в английском утвердительном предложении (местонахождение подлежащего и сказуемого), можно прибегнуть к парадигмическим изменениям сказуемого: «Mister Grahl demanded ...», «Mister Grahl is demanding, ... will demand» и т. д., то-есть взять совокупность форм слова для раскрытия его смысла. Второе слово demands будет иметь парадигму существительного, то-есть нулевое окончание в единственном числе. Далее, первое слово own выступает после частицы to — признака инфинитива, а второе слово own стоит между притяжательным местоимением и существительным. Грамматическая сочетаемость этих слов позволяет правильно понять их смысловое значение.

Переводим предложение: «Мистер Граль *требует* немедленного прекращения огня в Кении, освобождения всех патриотов и признания национальных требований народа Кении и его права владеть своей собственной землей».

Проанализируем еще несколько примеров конверсии, заимствованных из художественной литературы:

1. The sounds of shots kept floating to her (Galsworthy) (Звуки выстрелов все время доходили до нее). That sounds like trouble (Galsworthy) (Это звучит тревожно.) Если в первом примере слово sounds имеет явные признаки подлежащего, выраженного именем существительным во множественном числе, то во втором примере невозможно сочетание такой формы существительного с указательным местоимением that в единственном числе, что дает основание видеть в одинаковом по форме слове sounds другое слово, а именно глагол настоящего времени.

2. I don't suppose it made any difference to the army people (Galsworthy) (Я не думаю, чтоб это составляло разницу для армейских людей). Слово army входит в группу существительного «the army, people», переводится как имя прилагательное «армейский». Если сопоставить с этим предложением другое предло-

жение: In the Soviet army people prepare to defend their homeland (В Советской Армии люди готовятся защищать свою родину), то грамматическая конструкция позволяет раскрыть иное значение, а именно: army — армия — имя существительное.

Приводя подобные примеры, разные по трудности на разных стадиях обучения, необходимо обращать внимание учащихся на характерные признаки, позволяющие определить, с какой частью речи, при полном внешнем сходстве слов, образованных конверсией, мы имеем дело в каждом данном контексте.

Как уже было указано, в данной статье автор не имеет в виду раскрыть все случаи конверсии. На вышеприведенных примерах показаны случаи конверсии в соотношениях: существительное — глагол, глагол — прилагательное, прилагательное — существительное. В английском языке широко распространено образование отыменных глаголов способом конверсии, а также конверсия в соотношении прилагательное—глагол, например, further (дальнейший) — прилагательное, further (продвигать)—глагол, и в соотношении прилагательное — существительное, например: right (правый)—прилагательное, right (право)—существительное.

В заключение следует коснуться принципа трактовки случаев конверсии в языковых словарях. В правилах пользования Англо-русским словарем В. К. Мюллера (издание второе, 1946 г.) сказано: «Черной римской цифрой отмечаются части речи», «маленькой надстрочной цифрой отмечаются омонимы». Таким образом, если посмотреть в словаре слово right, найдем Ia (прилагательное), II adverb (наречие), III n (имя существительное), IV v (глагол). Никаких указаний на омонимию нет. Несколько дальше слово ring повторено в словаре два раза с надстрочной цифрой ring[1] (окружать и ring[2] (звенеть), как омонимы. Следовательно, в первом случае слова right—прилагательное, right — наречие, right — существительное, right—глагол рассматриваются не как омонимы, не как разные слова с одним звучанием, а как разные части речи, что противоречит современной трактовке вопроса о конверсии.

При ознакомлении учащихся с работой со словарем следует обратить их внимание на этот практикуемый в словарях прием дифференциации одного слова по частям речи, противоречащий пониманию явления конверсии, как средства словопроизводства без аффиксации.

В последнем, четвертом, исправленном и дополненном издании словаря Мюллера (1953 г.) сделана попытка уделить омонимам большее внимание. В правилах пользования словарем сказано: «Светлой римской цифрой отмечаются омонимы, черной арабской цифрой с точкой — различные части речи». Но, по сути дела, слова, соотносящиеся по конверсии, рассматриваются попрежнему, как «переходящие из одной части речи в другую».

Проф. А. И. Смирницкий в вышеупомянутых статьях протестует против теоретической позиции составителей словарей, помещающих внешне одинаковые слова — существительные, глаголы и

другие части речи—под одной вокабулой на том основании, что это якобы одно и то же слово, но в другой синтаксической функции.

Мы согласны, что такого расположения в словарях можно придерживаться по чисто техническим причинам из-за экономии места, но в правилах пользования должно быть дано правильное теоретическое освещение вопросов словопроизводства, свойственных данному языку.

Конверсия представляет собой одну из основных характерных особенностей грамматического строя английского языка наряду с такими типичными явлениями, как твердый порядок слов в предложении и наличие служебных слов. Правильное понимание конверсии поможет изучающим английский язык точнее воспринимать мысль, выраженную специфическими грамматическими средствами данного языка.

Кандидат педагогических наук С. П. Суворов

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Изучение пассива, т. е. страдательного залога, в английском языке представляет значительную трудность для русских учащихся. Эта трудность в основном объясняется особенностями английского пассива.

Когда мы говорим об особенностях, мы имеем в виду все то, что отличает английский пассив от русского страдательного залога. Такая постановка вопроса, да и самая тема этой статьи, подразумевает, конечно, и наличие общих черт, свойственных страдательному залогу как в английском, так и в русском языке.

В «Грамматике русского языка» Академии наук СССР дается следующее определение страдательного (залогового) значения: «Под страдательным значением в грамматическом смысле разумеется такое отношение между производителем действия и объектом действия, когда реальный объект действия выступает в предложении как подлежащее — в форме именительного падежа, а реальный производитель действия выступает как дополнение — в форме творительного падежа без предлога; иначе говоря — лицо или предмет, выступающие в роли подлежащего, не производят действия, а как бы испытывают на себе чье-либо действие, являясь точкой приложения этого действия» [1].

Формулировку этого определения едва ли можно считать безупречной. В самом деле, здесь говорится об определенном отношении между производителем действия и объектом действия. В действительности же это отношение всегда остается неизменным, так как «производитель действия» всегда действует, а «объект действия» всегда является точкой приложения этого действия, что совершенно ясно из самого значения этих слов. Очевидно, имеется в виду не реальное отношение, а *грамматическое* отношение между *словами*, означающими и производителя действия и объект действия.

[1] «Грамматика русского языка». Изд. Академии наук СССР, 1953, т. I, стр. 416.

Далее возникает сомнение в том, надо ли в определение страдательного значения или залога вводить слово, обозначающее производителя действия. Всякое определение должно быть предельно точным и ясным, так как оно служит мерилом, которое должно быть приложимо ко всем конкретным случаям определяемого явления. Однако мы знаем, что в предложениях с личной формой глагола в страдательном залоге далеко не всегда имеется слово, означающее действующее лицо. Наоборот, одно из назначений страдательного залога в том и заключается, чтобы дать возможность не назвать действующее лицо, сосредоточив все внимание на объекте действия. Следовательно, фактическое указание действующего лица не является существенным признаком страдательного залога или страдательного значения и не может быть положено в основу соответствующего определения. Другое дело — принципиальная возможность указать действующее лицо в соответственно оформленном (творительным падежом) дополнении. Видимо, определение страдательного залога или значения должно сопровождаться указанием на такую принципиальную возможность, так как это поможет в ряде сомнительных случаев отличить страдательный залог от именного сказуемого (с именем прилагательным).

С этой точки зрения можно вполне согласиться с тем, что сказано в конце приведенной выше цитаты: «...Иначе говоря,—пишут авторы грамматики, — лицо или предмет, выступающие в роли подлежащего, не производят действия, а как бы испытывают на себе чье-либо действие, являясь точкой приложения этого действия». По-существу мы здесь имеем совсем иной подход к определению страдательного значения, чем в первой части формулировки, так как здесь говорится не об отношении между производителем действия и объектом действия, а скорее о форме сказуемого, показывающей определенную направленность действия по отношению к подлежащему. Думается, именно это и должно быть положено в основу определения страдательного залога. В этом случае определение могло бы быть сформулировано примерно так: к страдательному залогу относятся такие формы глагола-сказуемого, которые показывают, что лицо или предмет, о которых говорится в подлежащем, не производят действия, а являются его объектом, точкой приложения этого действия.

Существенным недостатком этой формулировки, впрочем как и приведенной нами выше формулировки из «Грамматики русского языка», является то, что она охватывает только формы глагола, употребляемые как сказуемое. Таким образом, неличные формы глагола, т. е. инфинитив (неопределенная форма), причастия (полные) и деепричастия остаются за пределами такого определения. Мы не будем здесь пытаться восполнить этот недостаток, так как в данной статье не затрагиваются неличные формы глагола.

Оформление страдательного залога в русском языке зависит от вида глагола; глаголы несовершенного вида образуют формы

страдательного залога посредством суффикса *-ся* (*-сь*), а глаголы совершенного вида образуют их аналитически из соответствующих форм вспомогательного глагола *быть* и страдательных причастий (преимущественно страдательного причастия прошедшего времени). Общая картина спряжения глаголов совершенного и несовершенного вида в страдательном залоге дана в приведенной ниже таблице; здесь же даны возможные английские эквиваленты русских форм. Эта таблица в основном составлена на основании упоминавшейся выше «Грамматики русского языка» Академии наук СССР. Заметим, однако, что в таблице дана неопределенная форма глагола несовершенного вида на *-ся,* тогда как в соответствующем разделе «Грамматики» говорится только об аналитическом образовании типа *быть назначенным.* Кроме того, «прошедшее время совершенного вида со значением перфекта» поставлено рядом с настоящим временем несовершенного вида [1].

ФОРМЫ СТРАДАТЕЛЬНОГО ЗАЛОГА РУССКОГО ГЛАГОЛА С ИХ ВОЗМОЖНЫМИ АНГЛИЙСКИМИ ЭКВИВАЛЕНТАМИ

Несовершенный вид	*Совершенный вид*
приглашаться to be invited	быть приглашенным to be invited to have been invited
Причастие настоящего времени	
приглашаемый приглашаем being invited	нет
Причастие прошедшего времени	
приглашавшийся	приглашенный приглашен
invited	invited
Деепричастие	
будучи приглашаем being invited	будучи приглашен having been invited

[1] Заметим попутно, что в «Грамматике» два различных времени страдательного залога получили фактически одно и то же название. Формы типа «они награждены» и «они были награждены» названы «прошедшим временем совершенного вида», но в первом случае добавлено «со значением перфекта», а во втором случае—«со значением результата в прошлом». Ясно, что в этих замечаниях разъясняется значение двух различных глагольных времен (tenses), которые неудобно называть одинаково.

Настоящее время

они приглашаются	они приглашены
they are invited	they have been invited
they are being invited	they are invited

Прошедшее время

они приглашались	они были приглашены
they were being invited	they were invited
they were invited	they had been invited
	they have been invited

Будущее время

они будут приглашаться	они будут приглашены
they will be invited	they will be invited
	they will have been invited

В задачу этой статьи не входит подробное сравнение страдательного залога в русском и в английском языках. Отметим лишь, что из приведенной таблицы видно, что образование форм страдательного залога в английском языке совершенно аналогично в принципе образованию форм страдательного залога русских глаголов совершенного вида. Кроме того, можно отметить, что практически все личные формы английского глагола в страдательном залоге имеют вполне эквивалентные соответствия среди форм страдательного же залога в русском языке. Конечно, мы говорим лишь о принципиальной возможности перевода всех личных форм английского пассива русским страдательным залогом, но это не значит, что всегда можно или нужно поступать так при переводе. Мы пытались лишь показать, что русский страдательный залог и ясное представление о его формах и их значении могут служить достаточной опорой при объяснении и изучении страдательного залога в английском языке. В этой связи нельзя не пожалеть о том, что школьные учебники по русской грамматике не уделяют должного внимания страдательному залогу, да и академическая «Грамматика русского языка» не вносит в этот вопрос полной ясности.

Наличие сходных черт в грамматике родственных языков вполне понятно и совершенно не исключает существенных особенностей, присущих каждому языку в отдельности. Следует заметить, что особенности английского пассива теснейшим образом связаны с особенностями грамматического строя английского языка и определяются именно этими общими особенностями.

Если говорить в самом широком плане, то одной из основных особенностей английского пассива, пожалуй, можно считать его универсальность как грамматического средства выражения «страдательного значения». В английской грамматике нет другого средства, которое могло бы хоть сколько-нибудь конкурировать с пассивом в этом отношении.

В русском языке не от всех глаголов можно образовать все формы страдательного залога.

Как известно, наряду с собственно переходными глаголами иногда выделяют еще глаголы «косвенно-переходные». Косвенно-переходными называют такие глаголы, которые, так же как и собственно переходные глаголы, для полноты значения требуют указания лица или предмета, на которые распространяется действие, но это лицо или предмет указываются при таких глаголах не в винительном падеже без предлога, а в других падежных формах без предлога или с предлогом [1], например: «завидовать» чему или кому-либо, «смотреть» на что или на кого-либо и т. п.

Косвенно-переходные глаголы в русском языке не могут употребляться в страдательном залоге, но они могут употребляться в неопределенно-личных оборотах, которые вполне эквивалентны страдательному залогу в таких предложениях, где совсем не указано действующее лицо. Например, мы можем сказать «ему завидовали» или «на него смотрели», не указывая при этом, кто завидовал или смотрел.

Особенностью английского языка является то, что не только собственно-переходные, но и косвенно-переходные глаголы могут употребляться в страдательном залоге. Примерами таких глаголов в английском языке могут служить to look (at something) смотреть (на что-то), to speak (about something, to someone) говорить (о чем-то, с кем-то) и т. п.

Английским предложениям с такими глаголами в страдательном залоге в русском языке могут соответствовать, как мы уже заметили, неопределенно-личные предложения, лишенные подлежащего, но такое соответствие возможно лишь в тех случаях, когда нет указания действующего лица, например, This book was spoken about at the lesson (об этой книге говорили на уроке). Если английское пассивное предложение с косвенно-переходным глаголом содержит в дополнении указание действующего лица, то такому предложению в русском языке соответствует обычное предложение, где действующее лицо названо в подлежащем, и, следовательно, глагол сказуемого имеет определенно-личную форму действительного залога. Например: This book was spoken about by the teacher (об этой книге говорил преподаватель, или: преподаватель говорил об этой книге).

Пассивные предложения с косвенно переходными глаголами очень распространены в английском языке и в то же время представляют значительную трудность для русских учащихся, а поэтому заслуживают внимания в методическом плане.

В качестве одного из приемов в процессе объяснения этой особенности английского пассива можно использовать дословный перевод, хотя при этом и приходится пользоваться совершенно условными формами, фактически не существующими в русском

[1] См. «Грамматика русского языка», стр. 414.

языке. Но именно несуразность такого перевода помогает раскрыть и ярко показать своеобразие иностранного языка. Конечно, буквальный перевод достигает своей цели только в том случае, если путем соответствующего объяснения и точного перевода удается раскрыть смысл изучаемой конструкции. Например, своеобразие такого английского пассивного оборота, как he was looked at было бы до некоторой степени раскрыто, если бы мы сказали, что буквально это получается так: «он был смотрим на», т. е. «на него смотрели».

Однако при объяснении здесь едва ли можно ограничиться одним дословным переводом. В этом случае, думается, необходимо не только показать, но и раскрыть сущность этой особенности английского пассива в системе английского языка. Мы имеем в виду двустороннюю направленность смысловых связей английского предлога. Действительно, в огромном числе случаев предлог «относится» не только к следующему существительному, но и к предыдущему глаголу, при чем в английском языке легко найти целый ряд переходных ступеней от почти полного слияния предлога с глаголом, т. е. превращения предлога в наречие или «частицу», до почти полной независимости глагола от последующего предлога, когда предлог почти всецело относится к дополнению.

Примером почти полного смыслового слияния предлога с глаголом может служить, скажем, to carry out — выполнять, а в качестве примера тех случаев, когда предлог имеет более тесную связь с дополнением, чем с глаголом, можно взять сочетания с глаголом to buy (купить) with the money (за деньги), in Moscow (в Москве), for the children (для детей) и прочие сочетания, в которых глагол to buy не изменяет своего значения в зависимости от последующего предлога. Вот этим фактом наличия в современном английском языке различных степеней связи глагола с последующим предлогом и можно воспользоваться при объяснении пассива глаголов с предложным управлением.

В самом деле, to carry out легко воспринимается по существу как одно слово, представляющее собою переходный глагол, который свободно можно употреблять в страдательном залоге. Этому, конечно, способствует тот факт, что to carry out переводится на русский язык переходным глаголом «выполнять».

Переход от to carry out the plan к to look at a picture не так уж труден. Прежде всего мы сравниваем два предложения в действительном залоге:

The workers carried out the plan.

The workers looked at the picture.

На первом примере мы показываем, что при чтении мы присоединяем out к глаголу и даже можем сделать паузу перед дополнением the plan, что свидетельствует о наличии весьма тесной связи между carried и out и слабой связи между out и the plan.

С другой стороны, на втором примере мы показываем, что предлог at тесно связан с существительным the picture и сравнительно слабо связан с глаголом looked, о чем свидетельствует возможность сделать паузу между looked и at the picture, однако и здесь все же существует некоторое «тяготение» предлога at к глаголу to look, и тяготение это достаточно велико, чтобы при некоторых условиях предлог полностью «притянулся» к глаголу, оторвавшись при этом от существительного. С одним из случаев такого «притяжения» мы имеем дело в вопросах типа What are you looking at? (на что вы смотрите?) Нелишне напомнить об этом и при объяснении пассива глаголов с предложным управлением, так как здесь мы имеем дело, по существу, с тем же явлением.

Итак, на приведенных выше примерах можно ясно показать тенденцию к сближению предлога с глаголом, которая позволяет в известном смысле говорить об образовании своеобразных «составных» глаголов. Эти глаголы имеют переходное значение и могут употребляться в пассиве. Чтобы полнее раскрыть сущность страдательного залога косвенно-переходных глаголов, остается обратить оба приведенные выше примера в пассив:

The workers carried out the plan—The plan was carried out.

The workers looked at the picture—The picture was looked at.

Следующая особенность английского пассива связана с глаголами, которые по своему лексическому значению могут иметь два дополнения: одно со смыслом русского винительного падежа, т. е. прямое, а другое со смыслом русского дательного падежа, т. е. косвенное. Сюда относятся такие глаголы, как to give (давать что, кому), to offer (предлагать что, кому) и т. п. Такие глаголы являются собственно переходными по отношению к одному дополнению (прямому) и косвенно-переходными по отношению к другому дополнению (косвенному). В русском языке с такого рода глаголами возможны только такие пассивные предложения, в которых подлежащим является прямой объект действия, тогда как в английском языке возможны и пассивные предложения с косвенным объектом действия в качестве подлежащего, чего русский язык совершенно не допускает.

Наличие этого грамматического явления в английском языке, как известно, связано с исчезновением падежных окончаний у имен существительных и совпадением форм винительного и дательного падежа у личных местоимений, т. е. эта особенность английского пассива теснейшим образом связана с особенностями грамматической структуры современного английского языка вообще.

Как же можно подойти к объяснению этой особенности английского пассива? Ясно, что подобрать какую-нибудь грамматическую аналогию этому явлению в русском языке совершенно невозможно, но частичная лексическая аналогия может оказать некоторую пользу при объяснении. В самом деле, у нас есть такие глаголы, как «одарить» или «наградить», которые близки по своему значению к глаголу «дать», и это позволяет несколько облегчить поня-

мание страдательных оборотов вроде I was given через сопоставление их с «я был награжден (или одарен)».

Однако возлагать большие надежды на эту аналогию никак нельзя, и, пожалуй, самым надежным путем является активизация, т. е. создание путем различных упражнений прочного, в какой-то мере автоматизированного навыка употребления пассивных оборотов типа I was given или, по крайней мере, установление прочной связи между такими оборотами и русскими неопределенно-личными конструкциями типа «мне дали».

Заметим, что достаточно поработать в этом плане над одним каким-нибудь глаголом, чтобы создать прочную базу для правильного понимания, точного перевода и употребления всех других глаголов этого типа в пассиве. Таким образом, если будет тщательно отработан глагол to give, то глагол to offer, например, не потребует больших усилий—достаточно будет указать, что I was offered (мне предложили) совершенно аналогично I was given (мне дали).

Одним из самых полезных упражнений для активизации рассматриваемого грамматического явления служит устный перевод с русского языка на английский, именно устный, так как он позволяет постепенно увеличивать темп работы в такой мере, что на определенном этапе можно почти исключить элемент обдумывания, то есть добиться той автоматичности, о желательности которой говорилось выше.

Говоря об особенностях страдательного залога в английском языке, нельзя не коснуться тех глаголов, которые, казалось бы, по своему значению с точки зрения русского языка никак не могут быть переходными и тем не менее могут являться таковыми в английском языке. К таким глаголам относятся to enter—входить (в) (куда-то), to approach—приближаться (к чему-то или кому-то), to follow—следовать (за чем-то или кем-то), to witness—быть свидетелем (чего-то) и некоторые другие.

Усвоение страдательного залога таких глаголов представляет значительную трудность для русских учащихся. В самом деле, нам очень трудно представить себе, чтобы можно было сказать «я следовался ими» (I was followed by them) или «комната была войдена группой студентов» (The room was entered by a group of students).

Опыт людей, уже овладевших английским языком, вероятно, подсказывает им, что для полного овладения такими глаголами совершенно недостаточно простого указания на то, что они «не требуют после себя никакого предлога», то есть недостаточно чисто лексического комментария. Здесь нужно прежде всего ясно осознать, что эти глаголы являются переходными, что в активной форме они могут иметь прямое дополнение. Ясно осознать это можно, лишь опираясь на факты русского языка и отталкиваясь от них. Конечно, большое количество упражнений и обширное чтение в конечном итоге дадут нужный результат, но достижение этого результата можно облегчить и ускорить соответствующим

объяснением, основанным на сопоставлении фактов английского и русского языка. В таком объяснении можно использовать прием, сущность которого состоит в том, что английский глагол сопоставляется с двумя русскими глаголами, один из которых помогает показать его грамматическую природу, а другой раскрывает точное лексическое значение английского глагола.

Мы говорим, например, что английский глагол to follow в грамматическом отношении сходен с русским глаголом «сопровождать», а по своему лексическому значению соответствует глаголу «следовать». Поясняем это примером сначала в действительном залоге, чтобы показать, что глагол to follow требует прямого дополнения. Возьмем его в предложении: he followed me. *В грамматическом отношении* это предложение аналогично русскому предложению «он сопровождал меня». Но глагол to follow по своему значению не вполне соответствует русскому глаголу «сопровождать». Он не означает «идти вместе» или «идти рядом» (таково значение слова «сопровождать»), а «идти после», «идти сзади» (значение слова «следовать»). Отсюда ясно, что в соответствии с его точным *лексическим значением* глагол to follow надо, как правило, переводить русским глаголом «следовать». Учитывая это, в нашем первоначальном переводе необходимо заменить глагол «сопровождать» глаголом «следовать». Таким образом, вместо «он сопровождал *меня*» получится «он следовал *за мною*».

Этот разбор был предназначен для разъяснения пока лишь того факта, что глагол to follow является переходным и может иметь прямое дополнение. Впрочем, это и есть самое главное. Теперь остается показать этот глагол в страдательном залоге. Для этого можно взять, скажем, такое предложение: They were followed by a detective.

По своей грамматической структуре это предложение сходно с русским: «Они сопровождались сыщиком». Однако для точного перевода мы должны заменить глагол «сопровождать» глаголом «следовать», таким образом получается точный перевод: «За ними следовал сыщик».

Аналогичным образом легко показать переходность глагола to witness (something) быть свидетелем (чего-то). В грамматическом отношении этот глагол похож на русский глагол «видеть», а по своему лексическому значению соответствует русскому «быть свидетелем».

Несколько труднее объяснять такие глаголы, как to enter или to approach, поскольку к ним трудно подобрать близкие по значению русские переходные глаголы. В этом случае мало помогает простое указание на то, что эти глаголы не требуют никакого предлога. Такое указание не создает ясного представления о том, что это переходные глаголы.

Чтобы облегчить усвоение этого важного факта, можно, думается, прибегнуть и к буквальному переводу, указав, что he entered the room —буквально «он вошел комнату (кого, что)», тогда как по-русски мы говорим «в комнату (во что)». Наря-

ду с буквальным переводом, и, пожалуй, с большим успехом, здесь можно воспользоваться грамматической аналогией, о которой говорилось выше.

Мы можем сказать, что глагол to enter в *грамматическом* отношении подобен, скажем, русскому глаголу «осмотреть» или «осчастливить», поэтому англичане могут сказать: The room was entered by a group of students, подобно тому, как мы можем сказать: «комната была осмотрена группой студентов».

В заключение остановимся еще на глаголах типа to run (бежать). Иногда говорят, что в английском языке непереходные глаголы могут употребляться как переходные, но это по меньшей мере неточно, так как непереходный глагол потому так и называется, что не может иметь при себе прямого дополнения, а если он употребляется с прямым дополнением, то его надо считать переходным.

Как же быть с глаголом вроде to run, который можно употребить, например, в таком предложении: He runs a business in Africa (он ведет дело в Африке, то есть имеет там какое-то предприятие)? Уже сам этот пример показывает, что здесь мы имеем дело с совершенно другим значением глагола to run, и, пожалуй, тут можно говорить даже о другом глаголе, внешне совпадающем с глаголом to run — бежать.

Нетрудно заметить, что в большинстве случаев, где «непереходный» глагол употребляется в переходном значении, это значение имеет каузативный характер, то есть в этих случаях глагол означает «заставлять кого-то или что-то производить действие, обозначаемое другим (основным) значением того же глагола».

Действительно, to run a business (вести дело) значит «заставлять дело бежать (или идти)». Каузативные глаголы, понятно, могут быть только переходными.

Известно, что в древнеанглийском языке существовал специальный способ образования каузативных (переходных) глаголов от глаголов непереходных. Такие глаголы образовывались от основы прошедшего времени (единственного числа) и спрягались по слабому спряжению. Отсюда в современном языке мы имеем такие пары, как to lie (лежать) и to lay (класть, «заставлять лежать»), to rise (подниматься) и to raise (поднимать, «заставлять подниматься») и ряд других.

Современный английский язык, наряду с аналитическими и лексическими средствами выражения каузативности (глаголы to get, to have, to make), сравнительно легко создает каузативные значения у некоторых непереходных глаголов (или, может быть, правильнее сказать, — создает новые глаголы?), не прибегая ни к каким *специальным* грамматическим средствам (суффиксам или служебным грамматическим словам).

Чем же в таком случае выражается каузативное значение? Оказывается, что для этой цели английский язык может обойтись *общими* грамматическими правилами, не пользуясь специальными средствами выражения каузативности. В самом деле, вполне до-

очно поставить после такого глагола, как to run, прямое дополнение, чтобы он воспринимался как каузативный. Точно так же он будет пониматься и в формах страдательного залога.

Собственно говоря, факт совпадения в одной форме переходного и непереходного глаголов — явление вполне обычное для английского языка. На самых первых этапах изучения этого языка мы сталкиваемся с такими глаголами, как to open — открывать и открываться, to close — закрывать и закрываться, to begin — начинать и начинаться и т. п.

Правда, исторически мы здесь имеем дело как раз с обратным процессом — с процессом образования непереходного значения у переходных глаголов, но это не имеет значения для практического изучения языка.

Практика показывает, что такие глаголы, как to open, to close или to begin, не представляют никаких трудностей для учащихся, чего нельзя сказать о глаголах вроде to run (a business)—вести (дело), to walk (an animal) — отвести (животное), to work (a machine)—обслуживать (машину) (т. е. заставлять ее работать) и т. п. В этом случае, думается, могло бы помочь указание о том, что такого рода глаголы, когда они употребляются как переходные, имеют обычно каузативное значение.

Особенности английского пассива связаны со спецификой грамматического строя современного английского языка, а следовательно, их изучение на основе сопоставления с фактами русского языка помогает полнее уяснить своеобразие этого языка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Доцент Т. А. Дегтерева. Выявление грамматических категорий изучаемого языка 4

Доцент П. И Поллер. Употребление и значение падежей в современном немецком языке 15

Доцент И. И. Чернышева. Некоторые вопросы методики работы над конъюнктивом в немецком языке 36

И. П. Матусова. Грамматический разбор как средство раскрытия содержания текста 48

Е. А. Уткина. К вопросу о конверсии 54

Кандидат педагогических наук С. П. Суворов. Некоторые особенности страдательного залога в английском языке 65